

Колесникова Людмила Анисимовна

Штрихи к портрету теоретика

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ЯДЕРНОЙ ФИЗИКИ
ИМ. Б. П. КОНСТАНТИНОВА

Л. А. Колесникова

Из жизни замечательных ученых

Штрихи к портрету теоретика

(Заметки о том, как снимался фильм о физике)

Гатчина

2004

УДК 001

Колесникова Л. А. Штрихи к портрету теоретика (*Заметки о том, как снимался фильм о физике*) - Гатчина Ленинградской обл.: Издательство ПИЯФ РАН, 2004. - 82 с.

В эссе в яркой и непринужденной форме дается подробное описание создания в 2001 г. научно-популярного телевизионного фильма о директоре ПИЯФ РАН (1992-1994 гг.), докторе физико-математических наук Алексее Андреевиче Ансельме. Работа представляет собой удачный пример подачи материала по истории науки. Кроме главного участника описанных событий, в эссе представлены документальные свидетельства коллег, друзей и родных А. А. Ансельма.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Ц ПИЯФ РАН, 2004

I

Море передо мной уходит в даль. Оно меняет свою окраску - от серо-желтой, почти на всем протяжении побережья, до синей, у самого горизонта.

И если бы не эта безграничность Черного моря, что расстилается у моих ног, то можно было бы живо представить себе другой берег, тот же цвет воды, те же пальмы и агавы на берегу, даже русскую речь, но только название у этого берега иное - Брайтон-бич, а морская даль сужается до русла Гудзона.

Меня занесло туда пару лет тому назад совершенно случайно. Вообще-то пунктом моего назначения в Америке был Бостон, город, где провел последние дни, месяцы, год своей жизни смертельно больной герой моего будущего телевизионного фильма - известный физик-теоретик Алексей Ансельм. Я знала, что впереди у меня встречи с его коллегами, друзьями и просто знакомыми, которые должны рассказать то, что не известно мне о нем, а может быть, и то, что он и сам не знал о себе...

На месяц я поселилась у его вдовы. Мне предстояло жить у Ансельмов, писать за его столом, даже спать на его кровати, ходить той же дорогой от подъезда его дома до метро. Мне хотелось представить, впитать все, о чем он думал в эти последние дни и недели, отпущенные ему судьбой.

Первые встречи с коллегами моего героя начались еще в Лондоне, где я сделала остановку по пути в Бостон.

Самолет авиакомпании "Бритишэйрвай" приземлился в аэропорту "Хитроу" вечером. Меня никто не встречал. По прибытии я должна была

сделать звонок своему лондонскому знакомому. Как было договорено заранее, он должен был ждать меня на площади у вокзала Виктория. Сделав несколько попыток, я в отчаянии опустила трубку телефонного автомата. На другом конце короткие гудки противно и упорно сигналили, что линия занята. Что делать?

Сажусь в электричку и мчусь в темноте ночи навстречу неизвестности. Через двадцать минут пути решаюсь попросить попутчицу набрать по мобильному телефону лондонский номер. Она любезно выполнила мою просьбу. Наконец слышу в ответ на свое русское приветствие "Добрый вечер!" русское "Здрасьте!". Оказалось, что мой русский друг, лондонец, плохо положил телефонную трубку и все удивлялся, почему же я не звоню.

- Место встречи изменить нельзя, - торопливо крикнула я ему в трубку. Он что-то пробурчал в ответ, и наш разговор прервался.

Площадь у вокзала Виктория была разрыта в нескольких местах. Шла большая реконструкция. "Вот почему, - подумала я, - ворчал мой лондонский друг. Где искать теперь его белый "шевроле"?"

Я, как рикша, тянула чемодан на колесиках, сумку, телекамеру и еще какие-то пакеты. Дважды обошла площадь слева направо, пока не увидела похожую машину.

- У вас продается славянский шкаф? - вдруг выдала я знаменитый пароль из известного советского кинофильма.

Мой лондонский друг, Георгий, ответил без юмора и мрачно:

- Да!

Но этого было достаточно, чтобы я успокоилась и блаженно плюхнулась на сидение машины.

II

Профессор Элиот Лидер жил на тихой улочке на окраине Лондона. Он ждал нас с Георгием в тот же вечер, хотя было уже почти за полночь. Рано утром он улетал в Париж.

Мы расположились в желтой гостиной его дома. Миловидная жена профессора принесла всем кофе, я настраивала свет и устанавливала телевизионную камеру. Говорить о чем-то серьезном как-то не хотелось. Профессор шутил с Георгием, я вслушивалась в английскую речь, пытаюсь

понять, о чем они говорят. Наконец Георгий сказал:

- Господин Лидер, повторите на камеру то, что вы только что рассказали мне. Я думаю, что это будет интересно.

Наконец приготовления закончены. Я усадила худощавого профессора в глубокое кресло, в котором он почти сразу же утонул, выставив вперед свои острые колени и скрестив на груди длинные пальцы рук.

- Мн...да, - начал профессор. - То, о чем я рассказывал сейчас Георгию, относится к первому приезду Алеши в Лондон. До этого мы долго с ним переписывались, я звал его посетить наш институт, его научные работы нам были хорошо известны. Наконец на наше приглашение пришел официальный ответ, что его выпускают из Союза. Но первое же письмо нашего русского коллеги после официального разрешения привело меня в шок. Оказывается, процедура оформления в его стране чудовищна. Ему нужно было представить двадцать четыре собственные фотографии и заполнить двадцать четыре анкеты и еще массу каких-то бумаг.

"Боже мой, - подумал я, - сколько нужно иметь чиновников и ведомств, чтобы обработать все эти документы! Сколько нужно иметь архивов, чтобы потом хранить их!"

Беседа наша продолжалась еще минут сорок, потом мы вышли с профессором на крохотную улочку, уставленную маленькими, чистенькими, ухоженными, добротными домиками, как говорится, налицо дорогая простота быта зажиточных лондонцев. Дружески пожав друг другу руки, мы расстались.

Об этой первой памятной поездке моего героя в Лондон, кроме профессора Лидера, вспоминали все участники тех событий: Владимир фон Шлиппе и его жена Ирина, лондонские знакомые Ансельма и... сам Алексей Андреевич. У каждого была собственная версия.

Алексею Ансельму эта первая поездка в Лондон запомнилась так:

"Хотя это был 1968 год, нормального человека из России не выпускали, но меня пустили - в Лондон, одного и на три месяца. Это было некое чудо, которое имело много разных побочных причин. Одной из них, как ни странно, было наше вторжение в Чехословакию. На первый взгляд, все могло бы быть наоборот. На самом деле все получилось именно так, потому что все западные страны стали рвать с нами всякие контакты, и прежде всего научные. Со мной этого не произошло, потому что за рубежом понимали, что я не несу никакой ответственности за происходящее. Со мной не порвали мои западные коллеги, они продолжали меня приглашать. Так или иначе, наши власти, учитывая все это, стали более либерально относиться к поездкам людей вроде меня, понимая, что и так все обрезано. Могу добавить, что один человек, принадлежащий к компетентным органам, перед моей поездкой задал мне поразительный вопрос: "А что вы будете говорить о нашей дружеской помощи Чехословакии?"

Я ему ответил: "А что вы мне посоветуете?" Он посмотрел на меня и сказал совершенно примечательную фразу: "Если вы будете с кем-нибудь наедине, говорите что угодно, но если там будет больше чем два человека, то я вас очень прошу, не повторяйте того, что пишут в наших газетах". Тогда я понял, что я стал причастен. Было ясное ощущение,

что мне дали понять: газеты - это так, для "быдла", но мы-то с вами выделенные люди, раз уж вы едете за границу, значит, вы удостоены. Я сказал: "Ну, хорошо". И действительно не повторял того, что писали в наших газетах.

Но это длинная присказка. Когда я прилетел в аэропорт, меня встретил человек, у которого на шее висела дощечка с надписью: "Профессор Ансельм", так часто встречаются незнакомых людей. Я к нему бросился и стал что-то лепетать по-английски, а он на хорошем русском языке сказал, что мы можем говорить и по-русски. Это мой большой друг теперь, физик Владимир фон Шлиппе. Раньше я не был с ним знаком, меня приглашал другой человек, а он просто приехал встречать меня в аэропорт. Его выбрали по понятной причине: потому что он хорошо знал русский язык. Сейчас времена изменились, и Владимир эмигрирует в Россию, он будет работать у нас в институте. Мы с ним быстро познакомились, выяснилось, что он в какой-то степени из русской семьи. Жена его тоже до некоторой степени русская женщина и работает в русской службе

Би-Би-Си. Надо заметить, что именно в это время в газете "Известия" появилась статья, в которой было написано, что вся русская служба Би-Би-Си - это отдел ЦРУ.

Это был момент максимального обострения. Как рассказывала мне Ирина фон Шлиппе, жена Владимира, у них на русской службе Би-Би-Си развеселились, стали развешивать и наклеивать бумажки на дверь: "Матерый шпион такой-то" и т. д. и т. п. Я быстро понял, что, в итоге, для меня это все может плохо кончиться, но не общаться с этим замечательным семейством я не мог. Я их сразу очень полюбил и просто не вылезал из их дома. А однажды Ирина привезла меня к подножью Бушхауса, и я робко переступил порог. Увидел какие-то мониторы, но дальше не посмел двинуться. Я не посмел также познакомиться с Анатолием Максимовичем Гольдбергом, легендарным Гольдбергом, сотрудником русской службы Би-Би-Си. Должно быть, интересный он был человек, но я не решился. Может, зря не посмел, потому что после этой моей поездки в Англию восемнадцать лет меня никуда не пускали, видимо, что-то я не так сделал. Вот такая история".

III

В "логово" антисоветской пропаганды мы подъехали к черному ходу. Оставив машину во дворе, мы с друзьями поднялись на лифте в редакцию русской службы Би-Би-Си. Было воскресенье. Редакционные комнаты, студии и коридоры были пустынные. На доске объявлений висели небольшие бумажки с различными текстами для сотрудников, почти

точно такие же, как на Чапыгина, 6, в Ленинграде, когда я работала там на студии телевидения.

Мы прошли в просторную комнату. Здесь, как можно было заметить, помещение делили пять-шесть корреспондентов. Каждый по-своему устроил свой уголок, единственное, что было общим, - это компьютеры и магнитофоны для монтажа пленки, с наушниками. Здесь все делали сами: писали, брали интервью, монтировали и выдавали в эфир. Эфирные студии были тут же.

Впервые интервью Алексея Ансельма с журналистом Би-Би-Си Юрием Колкером я услышала далеко от этих мест... Это было в глухом углу у Чудского озера, в том самом месте, где река Нарова вытекает из знаменитого своей древней историей озера, - в старинной деревеньке под названием Скамья. Сюда я забираюсь каждую осень на несколько дней, чтобы заняться любимой тихой охотой - сбором грибов. В тот год урожай грибов был отменным. Мы вдвоем с моим мужем приносили целые корзины красных и солеников. Чистили и сортировали их по методу заготовки: эти - солить, а эти - мариновать. Что похуже - сушить, ну а несколько лисичек, масляток да небольших подберезовиков - прямо на сковородку, чтобы приготовить аппетитное жаркое.

Вот за этим занятием и застала меня передача из Лондона. Как обычно, мой маленький приемник был настроен на знакомую волну. В такие минуты хотелось послушать или "Севооборот" Севы Новгородцева, хорошую музыку изысканного вкуса или новости из Лондона. И вдруг я насторожилась, услышав знакомые интонации. Чуть с небольшим прононсом, не похожим ни на кого голосом Ансельм рассуждал о космосе, о вечности, о поисках истины, о времени, о научных открытиях. Подумалось - и как это его туда занесло, на знаменитую лондонскую студию? Интервью, которое он давал журналисту, закончилось, зазвучала музыкальная заставка другой передачи - "Глядя из Лондона", сменилась тема, и вечерняя программа Би-Би-Си продолжилась дальше в обычном режиме...

Предполагала ли я, что пройдет всего несколько лет, и я проделаю почти тот же путь, чтобы побольше узнать о жизни Алексея Ансельма в последние десять - пятнадцать лет. Именно такой период будет охватывать и мой будущий фильм о нем. Впереди бесчисленные интервью, километры отснятой пленки, которые промелькнут на экране всего за десятки минут. Впереди встречи с интереснейшими людьми, которые сами могли бы стать героями телефильма, впереди поиски, находки и муки творчества... Отснять материал - это практически только полдела, а вот найти верный и неповторимый образ фильма, его контрапункт - главная задача создателей телевизионной работы. Справимся ли мы? Снять фильм о человеке трудно. Раскрыть до конца его глубинную сущность порой невозможно, а сделать фильм об ученом, да

еще о физике-теоретике, трудно вдвойне. Не нам, авторам фильма, судить о результате. Фильм закончен, готов выйти на телевизионный экран. Свой вердикт вынесет зритель и критики. Но поделиться с читателями увиденным мной за время съемок, рассказать об интереснейших встречах, о глубоких мыслях, высказанных вслух, посчитала своим долгом журналиста. Тем более, что "за кадром" оказался тот материал, который, так или иначе, не вошел в фильм, и его было предостаточно. Вот таковы мотивы написания этих заметок.

Наш бывший соотечественник москвич Юрий Колкер, сотрудник русской службы радиостанции Би-Би-Си, живет теперь на окраине Лондона, в той его части, где маленькие однотипные домики образуют улочки, окруженные небольшими зелеными лужайками с крохотными цветниками.

Переступили порог жилища, и мне показалось, что мы попали в типичную московскую квартиру. Одна из комнат была завалена журналами, подшивками газет, множеством книг - все это, и письменный стол

с компьютером, составляло интерьер кабинета хозяина дома. Но, как принято у русских, самое обжитое место в квартире - это кухня. Поэтому беседу и съемку мы начали на кухне. Юра сразу же сказал, что передачу, в которую он пригласил когда-то участвовать Алешу, теперь закрыли. Чувствовалось, что он переживал период кризиса и временного застоя.

Был несколько нервозен, говорил жестко, иногда долго подбирая русские слова...

Вновь и вновь ставлю в свой диктофон кассету с записью одной из передач "Парадигма" русской службы Би-Би-Си, прислушиваюсь к разговору собеседников, слышу даже дыхание обоих и хочу уловить их настроение в момент той встречи. Я так и вижу: зажженное секунду назад над их головами табло "Микрофон включен!", еще мгновение, и, с чуть уловимым английским акцентом, на высокой ноте Юрий Колкер начинает передачу, задает первый вопрос.

Ю. Колкер: - Сегодня у нас в передаче пойдет речь о физике элементарных частиц... Предоставим слово специалисту, у нас в студии побывал известный ленинградский физик Алексей Ансельм. Алексей Андреевич, что привело вас в Англию?

А. Ансельм: - Ну, естественно, прежде всего, общие научные интересы. Надо сказать, что область, которой я занимаюсь, - это теоретическая физика элементарных частиц. И специфика этой области состоит в том, что именно здесь проходит граница нашего познания природы в самом принципиальном смысле этого слова. Конечно же, и в других областях физики могут делаться самые неожиданные открытия, подчас очень важные для практики, и все же надо сказать, что в этих других областях любое явление может быть объяснено уже известными фундаментальными законами физики. А в физике элементарных частиц

ситуация прямо противоположная. Здесь любое новое экспериментальное открытие может привести к открытию принципиально новых или пересмотру старых, самых общих законов физики.

И это делает физику элементарных частиц для многих, в частности и для меня, столь привлекательной. И это же объясняет, почему, несмотря на непрактичность этой области науки, на нее тратятся такие громадные деньги. В качестве примера могу назвать новый строящийся в США ускоритель, его стоимость будет составлять десять миллиардов долларов. Я не оговорился, да, именно десять миллиардов, а не мил-лионов.

В последние годы в физике частиц сложилась некая почти парадоксальная ситуация. С одной стороны, все существующие экспериментальные факты укладываются в рамки существующей теории, которая носит название - "Стандартная модель", а с другой стороны, совершенно очевидно, что Стандартная модель не является последним словом науки. Многие теоретики, и я в том числе, пытаются выйти за ее рамки и построить несколько более общую теорию. Именно здесь пересекаются мои научные интересы с интересами профессора Нормана Домби, с которым я сейчас работаю. Одно из направлений, которое разрабатывалось как профессором Норманом Домби, так и мной, - это идея составных кварков, лептонов и некоторых других частиц, которые в настоящее время считаются элементарными.

Со школы мы знаем, что любое вещество состоит из молекул, молекулы - из атомов, атомы - из ядер и электронов, ядра - из протонов и нейтронов. За последние два-три десятилетия мы узнали, что протоны и нейтроны тоже состоят из других частиц, которые получили название кварков. Но являются ли составными сами кварки или электроны, или некоторые другие частицы, например, зет-бозон, это особенно интересует профессора Нормана Домби. Ответить на этот вопрос нелегко.

Ю. Колкер: - Каким образом участвует в этой модели теория? Насколько я понимаю, вы идете от эксперимента. Как только появляется новый неожиданный эксперимент, подключаются теоретики, и они пытаются развить существующую модель или построить новую.

А. Ансельм: - Тут бывает часто взаимно. Бывает и так, и так. Давайте я приведу конкретный пример. Несколько лет тому назад мне удалось сформулировать особые условия, которым должны удовлетворять так называемые прионы - это те гипотетические частицы, из которых мы будем строить кварки, электрон и т. д. Это - очень общие условия, которым должны удовлетворять эти самые частицы. В дальнейшем эти условия, в более законченной форме, были сформулированы голландским ученым-физиком Герхардом Тофтом, ныне Нобелевским лауреатом, и теперь они стали основой для построения любой модели составных кварков-лептонов.

Ю. Колкер: - Правильно ли я вас понял, что упомянутый вами голландский ученый развил вашу модель?

А. Ансельм: - Нет, он это сделал независимо и лучше, чем я.

Ю. Колкер: - Но по существу вы соавтор этой модели?

А. Ансельм: - Некоторые так считают, но, я думаю, что он сделал больше в этом вопросе. Но дело не в этом. Чисто из теоретических соображений оказалось возможным очень сильно ограничить класс моделей, которые могут вообще рассматриваться как подходящие кандидаты для создания вот такой картины составных кварков и лептонов. Это одна сторона, а другая сторона развивалась профессором Норманом Домби, который изучал, в частности, такой вопрос: представим, что зета-бозон является составной частицей. Какие экспериментальные следствия мы можем тогда ожидать, что нужно делать экспериментаторам, чтобы подтвердить или отвергнуть такое предположение? На основе этих общих интересов, я думаю, возникла идея моего приглашения сюда, в Брайтон.

Ю. Колкер: - У вас есть совместные публикации?

А. Ансельм: - У нас пока нет совместных публикаций, но я надеюсь, что к моему отъезду из Брайтона что-нибудь возникнет.

Теперь о попытке выхода за рамки Стандартной модели. Эта попытка привела к предсказанию нового типа частиц, очень легких, или "безмассовых", частиц особого типа, которые очень слабо взаимодействуют с обычным веществом. Это сюжет, которым я занимался в течение многих лет. А вот недавно оказалось, что существование таких частиц можно попытаться связать совершенно с другой областью физики - с астрофизикой. Именно с некоторыми замечательными наблюдениями, сделанными совсем недавно астрономами, а именно в 1990 году. Эти астрономы утверждают, что если рассматривать Вселенную в очень крупном масштабе, то она представляет собой правильную слоистую структуру. Большинство галактик расположено в относительно тонких слоях, и толщина этих слоев заметно меньше, чем расстояние между слоями, так что получается нечто такое, что напоминает гигантский слоеный пирог. Вот, оказывается, представьте себе, что существование такой правильной периодической структуры можно попытаться связать с существованием почти "безмассовых" частиц, о которых речь шла выше.

Ю. Колкер: - Это тоже старый сюжет: дракон, кусающий себя за хвост. Бесконечно большое смыкается с бесконечно малым. Как сказал один астрофизик, кажется, академик Дмитрий Варшалович, "физика сегодняшнего дня устремлена в небо".

А. Ансельм: - Я говорил раньше, что есть область, где возможны абсолютно новые фундаментальные законы, где возможны явления, которые не описываются в принципе теми законами, которые нам известны. Я немножко погрешил против истины, потому что вторая такая область - это область космологии. Потому что смыкающиеся самое малое и самое большое - вот это и есть те области, где проходит граница нашего познания.

Мы все еще сидим на уютной кухне Юрия в лондонском предместье, его жена готовит нам кофе, вспоминаем далекие теперь уже первые годы Юриной эмиграции. А наш разговор все время возвращается к личности Ансельма.

- Я опубликовал некролог о его смерти в Америке на основе личных воспоминаний, - говорит Юра. - Английские газеты писали о нем. Я что-то взял из английских газет, добавил свое и напечатал некролог. Я ведь неплохо знал его. Мы вместе сделали около двадцати интервью для передачи "Парадигма".

Моей программы "Парадигма" уже не существует, я говорил вам. Она выходила с девяностого по девяносто девятый год. Алеша был самым ярким и замечательным ее участником. Он был артистичен, увлекался во время своего рассказа и был чрезвычайно образован. Он не относился к так называемым узким специалистам, которые дальше своего направления мало что знают. Алеша знал все! Он мог поговорить на любую тему, он живо откликался на все вопросы, возникающие в ходе прямого эфира радиопрограммы. И эта быстрота реакции, а главное широта и глубина его знаний, были исключительными. Помню, как он особенно горячился, когда разоблачал шарлатанов. Не секрет, что за границей, на Западе, увлекаются астрологией и часто верят во все эти чудеса. Алеша категорически выступал против этих вещей. Он часто рассказывал о том, что в шестидесятые годы было повальное увлечение телепатией. Поддались на эту удочку и некоторые ученые.

Академика Аркадия Бейнусовича Мигдала убедили, что есть-таки телепатия. Он сказал, что если есть телепатия, то он должен непосредственно на себе поставить эксперимент. Вместе с женой они тут же поставили эксперимент, и сразу выяснилось, что никакой телепатии в этом эксперименте не обнаружилось. Алеша с большим чувством юмора и с невероятным артистизмом пересказывал мне и многим другим эту историю.

Знаете, сейчас, когда Алексея Андреевича не стало, я могу точно оценить его влияние на меня. Я у него многому научился. Для меня он был глубокий мыслитель, способный судить о многом. Я не хочу, не решаюсь давать общую оценку того, что он сделал, хотя и физик по первоначальному образованию, но я не в состоянии этого сделать - слишком сложная наука, которой он занимался. Его философские мысли... здесь есть, над чем задуматься и о чем поспорить, но общую оценку я не решаюсь дать... Уверен, что он был значительный человек.

Уже спустя какое-то время после возвращения из моей американской поездки я услышала в эфире голос Юрия Колкера и была искренне рада, что его работа на Би-Би-Си по-прежнему продолжается. Теперь объектом исследований в его новом цикле передач была Европа - ее настоящее, прошлое и будущее.

Остановка в Лондоне на три дня чудесным образом подарила мне встречи с интересными людьми, а те, в свою очередь, подарили удивительные истории из своей жизни и жизни Алексея Ансельма.

С любопытством брожу по коридорам русской службы Би-Би-Си, заглядываю в аппаратные и студии, присаживаюсь у того самого микрофона, у которого Юрий Колкер беседовал с моим героем. Я вполне могла бы представить себя даже сотрудницей этой знаменитой студии, благо все здесь напоминало о том времени, когда я, молоденькая журналистка, после окончания университета начала работать в далеком Владивостоке в областном Комитете по телевидению и радиовещанию. Я вела в эфире интервью на темы культуры в информационных программах с приезжими артистами и музыкантами, со знаменитыми гостями далекого, но, по известному утверждению Ленина, близкого и "нашенского" Владивостока.

Гостей в те годы к нам приезжало много. Перед гастролями в Китай или Японию знаменитости, как правило, делали остановку в нашем городе после длинного перелета или недельного, утомительного путешествия по Транссибу. Владивосток для многих представлял великолепным оазисом на дальнем краю нашей необъятной Родины.

Нагулявшись вдоволь по коридорам и студиям Би-Би-Си, я вернулась в редакционную комнату. Неожиданно дверь широко распахнулась, и в помещение влетел моложавый мужчина, с белой аккуратной бородкой и подернутыми инеем седины вьющимися волосами.

- Здравствуйте! - сказал он по-русски. - Я слышал, вы тут об Алешке фильм снимаете. Могу кое-что рассказать вам о его детстве. Мы ведь учились с ним в одной школе на Петроградской стороне, в Питере. Он на пару классов был меня старше, но учителя-то у нас с ним были одни и те же.

Мужчина протянул мне первым руку и представился:

- Александр Раппопорт! Наши учителя в массе своей были замечательные. Это были люди, как правило, старого петербургского, еще дореволюционного разлива. Они не в силах были противостоять нашему детскому "бандитизму". В основном мы только находились под влиянием какого-нибудь хулигана, но справиться с нами было практически невозможно. Мы доводили порой своих учителей до иступления, до инфаркта. Но попадались люди железные. Был у нас один учитель, который запомнился всем выпускникам этой школы, что учились у него на протяжении пятнадцати или двадцати лет. Он преподавал у нас историю, чуть было не сказал "историю партии". Такого предмета у нас, конечно же, не было, но идеалом у него была история партии.

У нас он преподавал историю СССР. Сам был делегатом каких-то там съездов, боев или битв, не знаю. У него был протез. Звали его Дмитрий Борисович Гандман, но вся школа называла его просто по инициалам

"ДБГ". О нем складывались стихи, на него рисовали карикатуры, многие ученики нашей школы настолько его ненавидели, что всерьез клялись по окончании школы сделать ему какую-нибудь гадость, но, как правило, на второй день после окончания школы забывали все на свете, в том числе и своего мучителя ДБГ.

Младших учеников, которые от него бегали, он немилосердно щипал, оставляя синяки на теле. А старших он третировал другим способом. Мы не понимали всего его коварства, но и сейчас страшно вспомнить, как он, уставивши на школьника свой колючий взгляд, спрашивал его о каком-то съезде партии. И если ученик, к примеру, ошибался в дате, то ДБГ шутил таким образом: "Клевета на партию!"

Подлинного смысла этих слов мы не понимали, мы думали, что это просто шутка. Но такие шуточки могли очень дорого стоить его ученикам, да и ему самому. То были страшные пятидесятые годы, до разоблачения культа личности было еще далеко. Так что наш ДБГ любил "шутить" в таком духе. Его крылатые выражения с детства и навсегда врезались в нашу память.

Когда я встретил Алешу Ансельма в Лондоне, в начале девяностых, мы как-то быстро, с первых слов, установили, что учились в одной школе на Петроградской, тут же всплыла в памяти фигура ДБГ. Мы упали друг другу на грудь, как будто родились в одной семье или выросли в одном детдоме, настолько глубоко врезался этот человек в нашу память. Тут другой рекомендации было не нужно, сразу же стало ясно: мы замешаны с ним из одного теста и "вскормлены молоком одной кормилицы" - этим странным человеком и учителем Дмитрием Борисовичем Гандманом, к счастью, никому жизни не испортившим, но все же крепко мы его не любили.

Мы вспомнили с Алешкой и наших учителей физики. Один из них - Сергей Сергеевич, у него учился в свое время Ансельм. Я учился у него всего один год, поэтому плохо его помню. Но его замечательные принципы врезались в память. Он считал, что всем ученикам нужно ставить только пятерки. На вопрос: "Почему только пятерки?" он отвечал обычно так: "Если ученик понял, он должен получить "пять", а если не понял, я должен получить двойку. А ученики не виноваты".

Для меня школа просвистела как-то мимо, как ветер с дождем за окном. В конце концов я стал архитектором... А теперь вот сотрудник Би-Би-Си. Воистину неисповедимы наши пути-дороги.

Уже поздно вечером я вышла на крыльцо величественного здания (Буш-хаус) радиостанции Би-Би-Си. Его фронтоны, точно так, как и колоннада, словно веер, закрывающая вход в здание, были подсвечены желтым светом. Вокруг шумели три улицы и лентами сплетались почти у самого порога знаменитого здания.

Отошла на "островок безопасности", установила на треногу свою телекамеру. Мимо меня проплывали двухэтажные автобусы, мчались

машины поменьше, спешили люди. Был конец воскресного дня. Меня никто не замечал, не делал мне выговора, что не там стою, полицейский тоже не удосужил меня своим вниманием. Я работала, снимала жизнь англичан такой, какая она есть. Несрежиссированность событий увлекала меня...

Помню, как в своей дипломной работе по окончании университета, больше тридцати лет назад, я размышляла об особенностях внестудийных передач, о чуде телевидения, которое может передать остроту происходящих событий такой, как она есть на самом деле. Только одно умение оператора зорко подсмотреть событие и мастерски выхватить его заставляет зрителей, не отрываясь, просиживать у экрана телевизора помногу часов подряд.

"Вот что такое телевидение и телевизионная журналистика!" - восклицала я. Но наш декан в телевидении блестящего будущего не видел. Он был газетчик. Он хотел видеть строчки и опубликованные статьи. Владимир Петрович Бусыгин, директор студии телевидения и мой руководитель диплома, встал на мою защиту. Каждый из них, чуть ли не до драки, до хрипа в горле отстаивал свою позицию. Я же стояла в стороне, наблюдая этот жаркий спор на защите моего диплома. В итоге победил наш декан, оценка за работу была снижена, а телевизионная журналистика посрамлена. Теперь, по прошествии многих лет, я иногда беру в руки свой диплом (благо, копия его у меня сохранилась), читаю страницы моего первого в жизни исследования и не перестаю удивляться, что многое из того, о чем я тогда только фантазировала, воплотилось в жизнь, а телевизионные журналисты стали равноправными членами профессионального журналистского сообщества.

"Во сне ли я!" - думалось мне. В центре Лондона без проблем снимает что хочет русская журналистка, не имея на это разрешения ни от одной из сторон!

"Перестройка - в действии", - так я назвала посещение Буш-хауса и русской службы Би-Би-Си в Лондоне в тот знаменательный год смены столетий.

IV

По правде говоря, главной целью моей остановки в Лондоне была намеченная заранее поездка в английский Брайтон, расположенный на берегу Ла-Манша, город университета и знаменитого института теоретической физики, город, где у Ансельма были старые друзья - чета Домби.

Я готовилась к этой встрече с волнением. Проверила свою аппаратуру, заранее подготовила несколько вопросов по-английски, чтобы потом не путаться, подбирая слова. Казалось, что все было продумано до

мелочей, но последующие события показали, что меня ожидают очередные испытания.

Георгий любезно доставил меня к железнодорожному вокзалу, и мы расстались. Имея ограниченные средства, я в эту поездку взяла ровно столько, чтобы хватило на дорогу туда и обратно. Обменник на вокзале - не самое выгодное место для финансовых операций. Когда у меня в руках оказалось денег чуть больше, чем на билет в один конец, я приуныла, но не надолго. В конце концов я еду в гости к профессору. Это естественно, что он посадит меня в поезд, купит мне билет и отправит вечером обратно в Лондон.

Я приобрела в кассе билет в один конец, затем купила в дорогу хот-дог и бутылочку колы, села у окна и, наслаждаясь пейзажами, начала снимать камерой свой путь до Брайтона. Замечу, что дважды по вагонам прошли полицейские и кондуктор. Настроение у меня было приподнятое, впереди ждала интересная встреча и удивительный город, где Алексей Андреевич часто бывал, работал, любил посещать местные пивные (пабы) и где, по рассказам друзей, у него были самые лучшие дни в жизни, проведенные в старой Англии.

Профессор Норман Домби (настоящая фамилия Домбровский) происходил из старинного рода (как и герой романа Диккенса "Домби и сын"). Действие романа происходило в таком же маленьком старинном городке, по улицам которого мы катили в автомобиле почтенного профессора. Дом и его быт также говорили о происхождении хозяина. Для беседы и съемки из множества комнат мы выбрали гостиную со старым камином.

На большом дубовом столе лежали альбомы с фотографиями. Разожгли камин. Я попросила супружескую пару расположиться у журнального столика, настроила камеру, и потекла неспешная беседа. Всплывали детали давних встреч друзей здесь, в Брайтоне, с Алешей и его женой Милой.

Норман рассказывал, слегка прикрыв глаза, вспоминая о научных семинарах, о походах в пабы, благо, здесь их было множество, о дружеских беседах за рюмкой русской водки, которую, как водится, обычно привозили в качестве подарка из Союза. Генриетта Домби раскладывала на столе цветные фотографии. Выбирая из них какую-нибудь, подносила близко к глазам, мечтательно улыбалась.

Потом мы вышли на стриженую лужайку, что окружала тыльную часть дома. Здесь, очевидно, было место для игры в крокет. Чисто, ухоженно и как-то скучно. Я добросовестно отсняла пейзаж, хозяина и хозяйку на лужайке, но чувствовалось, что чего-то не хватало. Неожиданно профессор улыбнулся, словно угадал мои мысли.

- Мы едем в паб, тот самый паб, что так любил Алеша.

Дорога вначале асфальтовой лентой бежала от города куда-то вверх, потом после крутого поворота оборвалась, и мы покатали по проселочной дороге, укатанной мелким гравием.

Любимый Алешин паб оказался обычным сельским домом. На веранде и подле нее были расставлены дубовые столы и крепкие стулья. За стойкой усатый улыбающийся хозяин заведения наливал золотистое пиво. Мы вышли на веранду.

- Вот за этим столом мы обычно с ним сидели за кружкой пива. Брали охотничьи колбаски с острым соусом. Говорили, говорили, говорили...

Обстановка на крытой веранде, в этом маленьком тихом зальчике, и в самом деле была такой, что располагала к дружеской беседе. В нескольких шагах от стола горел камин, украшенный гирляндами из хмеля. Хмелем были обвиты и потолочные балки, в углах сухие початки кукурузы, словно маленькие ракеты, "стреляли" в каждого входящего посетителя. Пахло какими-то незнакомыми пряностями. Здесь действительно было хорошо!

Профессор заказал нам все то, что обычно они заказывали вместе с Ансельмом: по кружке пива, колбаски, соус. Не хватало только той доверительной беседы, что уже невозможно повторить после ухода в иной мир незабвенного Алеши Ансельма...

Уже ближе к вечеру, сделав "круг почета" по набережной Брайтона мимо роскошных и исторически знаменитых отелей ("вот здесь останавливался самый богатый человек в мире, а здесь - когда-то сам Наполеон"), мы направились к железнодорожному вокзалу. Только сейчас я вспомнила, что у меня нет обратного билета. Но моя утренняя оплошность, решила я, была только моей бедой...

Подкатив к железнодорожному вокзалу вместе с профессором, как ни в чем не бывало, я уверенно вошла в кассовый зал.

- Пожалуйста, билет за пять фунтов, сэр, - обратилась я к кассиру.

- До какой станции, мэм?

- За пять фунтов, сэр!

- До какой станции?

- Я не знаю...

Кассир возвратил мне деньги, я вышла на перрон. Профессор Домби участливо спросил, нет ли у меня проблем. Я ответила, что все в полном порядке. Мы торопливо расстались, я села в поезд. Моя нервозность начала переходить в панику. "Еду в поезде, - думала я, - в чужой стране, без билета!" Но что-то менять было поздно, поезд уже мчал меня к Лондону.

Я постаралась уснуть. Впереди еще больше часа пути. Прижалась щекой к холодному стеклу окна, рядом с собой поставила камеру и подняла капюшон пальто.

Очнулась, когда стало тихо. Поезд прибыл на конечную станцию, вагон пустел. Взяв камеру, я с облегчением пошла к выходу. "Путешествие окончилось благополучно!" - радостно подумала я.

У турникета, через который мне предстояло еще пройти, чтобы оказаться на свободе, стоял двухметровый негр. Он внимательно следил

за тем, чтобы пассажиры аккуратно компостировали свои проездные билеты и проходили в город. Пасовать перед последним испытанием не в моих правилах. Я стала лихорадочно перебирать в уме возможные варианты: даже живо себе представила, что оставшиеся дни моего пребывания в Лондоне я проведу в местной тюрьме. Но вдруг меня словно поразило током:

я отчетливо вспомнила давний студенческий трюк, когда всей группой, выстроившись друг за другом и закрыв рукой фотоэлемент, проскакивала молодежь на эскалатор. Быстро сунув мой единственный билет в щель, я прикрыла рукой круглое маленькое окошечко фотоэлемента, но... фокус не удался, турникет не открылся. Лениво подошел черный верзила.

- В чем дело, мэм?

- Техническая неисправность, - неуверенно ответила я.

- М-да...

Он нажал на какую-то кнопку, и я очутилась на свободе! Много ли нужно человеку для счастья? Прыгая через ступеньку, я проворно сбежала в подземку. Купила билет в метро, благополучно доехала до своей станции, а на сдачу купила еще прелестный букетик душистого горошка Татьяне, жене Георгия. День был прекрасен!

V

Перелет из Лондона через Атлантику в Америку занял почти девять часов. В аэробусе было просторно, много свободных мест. Самолет почему-то заполнен лишь на половину. Стюардессы, бесшумно двигаясь по проходам, раздают пассажирам от аэрокомпании "Бритишэйрвей" фирменные пледы, носки и наушники. Надеваю мягкие махровые носки, закутываюсь в полосатый плед, сворачиваюсь калачиком на сдвоенном кресле, втыкаю штекер наушников в гнездо подлокотника кресла и засыпаю под тихую музыку негритянского блюза, отдавая свою жизнь судьбе и опыту пилотов.

Наш самолет мягко коснулся бетонки летного поля американского аэродрома в середине дня.

Был конец марта, но в Бостоне было тепло, почти по-летнему. Меня встречала Людмила Николаевна, Мила, жена Алексея Ансельма. На машине мы быстро добрались от аэропорта до дома. Здесь, в небольшой чистенькой и уютной квартире, мне предстояло прожить месяц, собирая материал для фильма о человеке, которого я еще мало знала.

У Милы был план. Она подробно мне его изложила, наметив, с кем мне необходимо было встретиться в Америке. В этот список входили коллеги-физики, ученики и друзья ее мужа. График работы предстоял напряженный: за месяц мне нужно было не только отснять несколько интервью, но и собрать и обобщить дополнительный материал об

американском
периоде жизни моего героя.

Встреч ожидалось множество. Во-первых, сам Бостон, по утверждению его жителей, был городом, где издавна образовалась большая русская колония. Еще в 17-18 веках в бостонский порт заходили русские торговые суда. Они везли сюда исконно - русские товары: лен и пеньку, смолу и вар, специальную ткань для парусных судов, но самое любопытное, как свидетельствуют документы, хранящиеся в историческом архиве Петербурга, русские привозили в Америку в большом количестве гусиные перья... Как выяснила и предположила не так давно американская исследовательница Пеги Кауфман, американская Конституция была написана русскими гусиными перьями...

Почти в первые же дни, после моего прилета, меня привели к двум жительницам Бостона, представительницам первой и третьей волны русской эмиграции уже прошлого века.

Первый адрес - Русский Дом в Бостоне. Пожалуй, его знают все соотечественники, проживающие здесь. Его хозяйкой и хранительницей русских традиций является

Мария Ивановна Фридман. Её эмиграция из России в Америку началась в 1922 году. Через китайский Харбин на пароходе вместе с братом она добрались до берегов Нового света. Молодая девушка мечтала о карьере ученого. Из рассказов сведущих людей она узнала о лучшем в мире учебном заведении, где, как говорят, "если вам встретился на территории этой учебной Мекки молодой человек до тридцати - он студент, а если мужчина после сорока - Нобелевский лауреат, других не бывает".

Это и есть знаменитый Эм-Ай-Ти, (Массачусетский технологический институт.). Его-то и окончила молодая русская, изучая здесь математику и основы метрологии.

Но главным делом её жизни, по сути, оказалось со здание в Бостоне Русского Дома и сохранения русских традиций. Когда-то своими руками вместе с мужем они превратили бывшую конюшню в гостеприимный дом, куда может придти любой русский человек. Его обязательно угостят обедом из блюд русской кухни, напоят вкусным чаем из старого самовара, дадут ночлег, если это необходимо, предоставят в распоряжение богатую библиотеку, в общем, обогреют и обласкают. Меня удивила и восхитила Мария Ивановна. Ровесница минувшего века она в свои преклонные годы сохранила цепкую память, светлый ум и прекрасную русскую речь!

Второй адрес - тихая улочка почти в центре Бостона. Здесь я взяла мое первое интервью, кажется, в тот же вечер после прилета в Америку. Квартира, где я оказалась, было комфортным жилищем моей землячки, Людмилы Штерн, жительницы того еще, советского Ленинграда, из которого она эмигрировала 25 лет тому назад.

Людмила - ныне известная писательница, её произведения публикуют, как теперь говорят, престижные и модные журналы, её книги знают на Родине.

Поводом для нашей встречи было её знакомство с Ансельмом, правда, не продолжительное. Они познакомились в Бостоне, когда Алексей Андреевич впервые здесь появился.

-К сожалению, я Алешу знала совсем не долго. Я не смогу ничего сказать о его научной карьере, но могу сказать о нем как о человеке безграничного обаяния. Мне вспоминается такой эпизод. Как-то здесь гостил друг Ансельма главный редактор журнала "Звезда" Яша Гордин. Оказывается, они договорились с ним встретиться на одной из бостонских улиц, случайно здесь же оказалась и я. Меня он тогда совершенно поразил. Во-первых, он забыл в автобусе свой пиджак, во-вторых, потерял билет, по которому он должен был куда-то ехать, и еще была какая-то потеря. Но самое примечательное, что он говорил об этом легко и весело, сообщая нам, что он - растяпа. Мы все весело хохотали над этими потерями! Он всегда чудно шутил.

Может это покажется несколько банальным, но при встрече с Алешей было такое ощущение, что ты знаешь его с детства. Мы понимали друг друга с полуслова. Я очень огорчена, что мы не достаточно часто виделись. Как-то все откладывали на - потом. А этого потом не было. Когда происходит ежедневная жизнь, не придаешь нужного значения тому, что уходящее. После его кончины я часто огорчалась, что мало нам пришлось встречаться... Светлая ему память!

Объектив моей камеры скользит по убранству комнаты, то здесь, то там, останавливаясь на портретах знакомых лиц. На столе, на полке над каминном и крышке бюро, прижимаясь друг к другу, стоят рамки с фотографиями родных и знаменитых соотечественников: Иосифа Бродского, Михаила Барышникова, и Геннадия Шмакова. Все они были её друзьями, составляли один круг.

Рассказ Людмилы Штерн о её эмиграции показался настолько интересным, что решила привести его более или менее подробно, хотя он и не вошел в наш телевизионный фильм.

Кандидат наук, геолог Людмила Штерн эмигрировала в Америку в начале семидесятых. Семья из четырех человек: супруги Штерн, мама Людмилы и дочь имели в кармане по сто долларов на каждого и четыре чемодана. Это было все их состояние. Прежде, чем стать писательницей, Людмила была менеджером по продаже недвижимости, пыталась устроиться в магазине продавцом чемоданов, потом нашла работу геолога-первокурсника на изысканиях под новую станцию бостонского метро. В чистом поле, в двух милях до ближайшего туалета, она промучилась, фиксируя в

толстую амбарную книгу весь объем работ , произведенных рабочими за дневную смену. Потом , договорившись с напарниками, она просиживала почти весь день в кафе, сочиняя первые рассказы, а к концу дня проделывала путь в две мили и за сорок минут аккуратно записывала все результаты рабочего дня.

Работа по специальности стала последней. Когда под напором зеленых, изыскания под строительство станции прекратились, и кампания обанкротилась, у Людмилы Штерн уже был готов первый рассказ, который вскоре и был напечатан в американском, русскоязычном художественном журнале.

Литературное творчество Людмилы Штерн выросло не на пустом месте. Она прошла свои уникальные университеты.

- Еще в Ленинграде у меня был самый близкий и дорогой друг. Звали его Геннадий Григорьевич Шмаков. В Нью-Йорк мы приехали почти одновременно, с разницей в две недели. Его привезла в Новый Свет американская журналистка, оформив с ним до этого в Союзе фиктивный брак.

Геннадий был человеком энциклопедических знаний. Иосиф Бродский называл его " мой двойник, мой молочный брат". Они были одногодки. У Гены было все, чего не было у Иосифа: блистательное классическое образование, восемь языков, феноменальная память, как говорится, русская литература на ладони. Прекрасное знание истории. Он написал книги Жераре Филипе, Марии Каллас.

Иосиф Бродский называл его явлением культуры, как явление природы.

Иосифу этого всего как раз и не хватало, потому что его первоначальное образование было все-таки на уровне семи классов. Он, конечно, сделал гигантские успехи и потом стал действительно человеком образованным, но на первых порах Геннадий Шмаков был для него и университетом, и аспирантурой, и энциклопедией.

Здесь, в Америке, они продолжали дружить.

Их третьим другом был и есть Михаил Барышников.

Моя встреча с Мишей состоялась еще в Ленинграде, когда Гена пригласил меня на выпускной хореографический спектакль. Барышников танцевал что-то из "Спартака", так что я увидела его впервые восемнадцатилетним юношей.

Известно, что в Ленинграде была тесная компания: Дмитрий Бобышев, Иосиф Бродский, Евгений Рейн и Анатолий Найман. В свое время А.Ахматова называла их " аввакумовцами "- за нежелание идти ни на какие компромиссы.

В Америке образовалась совершенно другая компания: Геннадий Шмаков, Иосиф Бродский , Михаил Барышников.

Геннадий превосходно знал балет. Он написал книгу о Михаиле Барышникове, затем еще одну о русском балете, он редактировал книгу Наталии Макаровой, но не успел закончить монографию о Мариусе Петипа.

Гена умер в 1988 году от СПИДа, сгорел мгновенно. Тогда эта страшная болезнь еще не была так широко известна.

Вокруг этой замечательной троицы, как вокруг изумительного кристалла, образовывалось великолепное общество.

Иосиф Бродский познакомил нас (меня, моего мужа и дочь) с одной уникальной семьей. С главой этой семьи, с совершенно необыкновенным человеком. Его звали Александр Либерман. Он был журналист, художник, скульптор и фотограф, владелец роскошных и знаменитых журналов. С ним хотели дружить все: писатели, дизайнеры, голливудские и бродвейские актеры, люди искусства и культуры. Потому что его журнал "Ярмарка тщеславия" был самый главный журнал в мире знаменитостей, а он был главным редактором этого журнала. Александр был женат на Татьяне Яковлевой - парижской любви Владимира Маяковского. Женщине невероятной красоты, которая, как мы знаем, отвергла Маяковского. Именно ей он посвятил свои знаменитые стихи "Письмо Татьяне Яковлевой":

Ты не думай
щурясь. просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму -
одну
или вдвоем с Парижем.
(1928 г.)

И все же то, о чем писал и мечтал Маяковский, не осуществилось. Татьяна вышла замуж за французского дипломата маркиза де Плюсси, родила дочь. Её муж погиб в авиационной катастрофе, когда летел на прием кШ. Де Голлю, чтобы участвовать в сопротивлении.

Александр Либерман, Алекс, стал её вторым мужем. Он взял на себя заботу о ней и дочери Франсени, которую дома называли по-

русски Фроськой. Теперь она знаменитая американская писательница Франсени де Плюсси- Грей. Всей семьей они приехали в Америку в 40-х годах, спасаясь от нацистов. Здесь у Алекса началась блистательная карьера журналиста. В Америке он достиг пика профессионального мастерства...

Нас это семейство очень полюбило: Иосифа, Гену, Мишу и мою семью. Мы составляли их русский круг. Мы оказались своими людьми. Татьяна нас полюбила особенно. Она уехала из России, когда ей было 14 лет, полжизни прожила в Париже, а последние 50 лет - в Америке.

Английский язык ненавидела, предпочитала говорить по-русски и по-французски.

Она знала наизусть всю Ахматову, Цветаеву и Мандельштама.

И вот, на её счастье, появляется Геннадий Шмаков, который знал все на свете, и которому часами можно читать стихи.

Он был как раз тем человеком, которого им всем так не хватало. Они все, конечно же, влюбляются в этого незаурядного человека, и он становится почти членом их семьи.

У Либерманов было поместье в двух часах езды от Нью-Йорка, в штате Коннектикут. Обычно они проводили там уикенды, а жили они на Манхеттене в великолепном трехэтажном особняке.

Волею судьбы мы все оказались там. Американские друзья шутили: Либермания, так обычно называли загородное поместье, этот райский уголок с оленями, с диковинными животными, с бассейном, наполненным прозрачной голубой водой, с потрясающим розарием, где благоухали розы 250 сортов, постепенно превращалась, благодаря нам, русским, в чеховскую дачу.

Теперь здесь шумел самовар, пили чай с вареньем, пили прозрачную, холодную водочку с селедочкой, и читали по-русски стихи...

Алекс обожал нашу компанию. Вот так мы проводили время, которое вспоминается теперь как прекрасный сон, как третий акт из " Спящей красавицы", когда все было заросло мхом забвенья, как будто это нам только приснилось. Мне посчастливилось увидеть очень много интересного, мне приоткрыли дверь в прекрасное, а я была как Алиса в стране чудес....

Татьяна умерла в 1991 году, Алекс умер три месяца назад, не дожив совсем немного до смены столетий

Всё больше и больше сужается круг друзей. Все шире владения русских на землях национальных кладбищ.

Свое последнее пристанище и Алексей Ансельм нашел в прекрасном месте, на окраине Бостона. Живописные лужайки сбегают к прозрачной воде искусственных прудов и каналов, ажурные мостики как бы соединяют два берега реки жизни. В зарослях цветущих магнолий поют голосистые птицы, своими

трелям они очень напоминают рулады русского соловья. И все же здесь - гармония тишины и покоя. Бостонское кладбище имени Ньютона приютило нашего русского ученого Алексея Ансельма, правда, на белой мраморной плите нет русских слов. Его имя начертано в английской транскрипции. Как видно, администрация кладбища здесь заботится о посетителях, - все надписи на надгробьях должны быть легко читаемы.

Поздний вечер, сижу у торшера в бостонской квартире Ансельмов, где они вместе прожили последние полтора года, когда Алексей Андреевич отчаянно боролся со смертельным недугом. Тогда было все брошено на его спасение. Помогали американские коллеги и друзья-физики. Выхлопотали "Грин-карту", обеспечили социальными льготами, его лечили лучшие американские доктора. Дочь Ира (к этому времени она уже работала врачом в бостонском педиатрическом госпитале) помогала отцу справиться с обрушившимся на него тяжелым испытанием. Последнее время Алексей Андреевич очень ею гордился. Ире выпал трудный путь в Америке. Пройдя череду испытаний и многочисленных экзаменов, она стала-таки врачом в самом хорошем американском госпитале. Он часто возвращался к этой теме в разговоре с друзьями, подчеркивая этот важный факт ее биографии.

Читаю строчки из дневника Алеши. Они тронули меня своей откровенностью и какой-то удивительной пронзительностью. Это впечатление от чтения его исповеди остается у каждого надолго.

Потом, когда работа над фильмом будет завершена, в самом конце, в кадре, строчки дневника своего мужа читает Мила. Она это будет делать так тактично, что некоторые личные подробности его жизни вызовут искреннее человеческое сочувствие. Не мне судить, но кажется, что эти откровения тяжело больного Алексея Андреевича стали моментом истины моего героя, человека на редкость мужественного и благородного.

"Старость подкрадывается на кошачьих лапах к мирно жующему жизненную жвачку... Ты долго ничего не замечаешь, а потом внезапно осознаешь, какой огромный путь прошел. Происходит это вот как: все, что волнует тебя, - новая опубликованная работа, поездка в новый город, на конференцию или в отпуск, новая должность и связанные с ней радости тщеславия, новые материальные возможности, связанные с новой должностью, первая, вторая... десятая поездка за границу - новый мир! Наконец (самое важное!), новые женщины - все это повторяется и повторяется бесчисленными кругами, и вот ты уже замечаешь, что, севши в поезд, идущий в Москву, ты уже не смотришь с жадностью в окно, а с досадой думаешь о предстоящей бессонной ночи. Приехав на конференцию в Ереван, не разглядываешь со жгучим любопытством Арарат (ты уже столько раз его видел!), а, сделав очередную работу, начинаешь смутно подозревать, что она не совсем случайно не

открывает новых горизонтов, и что, возможно, следующая будет не многим лучше...

Все было бы бесконечно печально, если бы не было (в идеале, наверное, вполне!) сбалансировано новым мироощущением. Ты вдруг начинаешь понимать, какая радость - пахнувший грибами и сыростью осенний сад или косые лучи заходящего солнца, какое счастье остаться вдвоем с женой на даче (мой Бог, ведь это была наихудшая пытка молодости). Жизнь проходила где-то там - мимо, но надо было почему-то сидеть на этой обрыдлой даче! А теперь остаться вдвоем на даче и радоваться, что никуда не надо идти и никто не придет в гости...

Радость, когда маленькое доверчивое существо - твоя внучка прибегает к тебе по утрам и плюхается к тебе в кровать с криком: "Давай!" Что означает, что ты должен рассказывать очередную историю из бесконечной эпопеи, придумываемой тобой каждое утро, приключений из жизни Кая (это ты сам) и Герды (это она). Другими участниками эпопеи являются медведь Балу, волк Акела, пантера Багира, питоша, слонюша, капитан Немо, какие-то бабуины...

И все это старость... И еще старость, когда ясно осознаешь конечность отпущенного тебе времени. Первый раз я поймал себя на том, что, когда у меня треснула коронка на зубе, я стал прикидывать, не успею ли дожить с такой? Вроде, она должна не скоро развалиться.

Старость - это когда в один прекрасный день думаешь: как странно, ты не можешь себе представить счастливого человека в камере смертников, даже если он надеется, что приговор будет приведен в исполнение не очень скоро (допустим, он подал апелляцию), но сам может быть счастлив, как, впрочем, и миллионы других людей, хотя вы все ничуть не отличаетесь от упомянутого обитателя камеры смертников - разве что тем, что для всех вас результат апелляции заранее известен...

"Жизнь - это трагедия, уже потому, что каждый из нас знает, что смертен", - недавно сказал по телевидению мой добрый знакомый и чудесный писатель - Фазиль Искандер. И он, конечно, совершенно прав! Но мы устроены так, что, как малые дети, обычно не думаем об этом.

Удивительным образом, в принципе, но я знаю средство спастись от конечности отпущенного времени. Это средство - творчество. Любое. Наука ли, искусство... Но средство это заколдованное. Между тобой и твоим творчеством - пустота. Ты берешь лист бумаги с яростным намерением создать нечто стоящее (в науке ли, в искусстве) и не создаешь... ничего!"

По нашему плану главные съемки должны были состояться в Принстоне, университетском городке в 60 километрах от Нью-Йорка.

Здесь

живет, а несколько лет до этого работал в университете, друг Ансельма Александр Мигдал. Я знала, что Александр - глава нескольких фирм, обеспеченный человек, недавно купил роскошный дом в Принстоне, постоянно теперь живет с семьей в США.

В Принстоне же живет и работает друг и коллега Алеши, выдающийся русский физик-теоретик Александр Поляков. Он профессор в местном университете. Живет с женой и сыном в небольшом доме.

Но прежде чем рассказать о поездке в Принстон, необходимо сделать некое отступление. Оно связано с моей поездкой в Нью-Йорк, а конкретно - на Брайтон-Бич, о чем я упоминала в самом начале путевых заметок.

Собираясь в Америку, я, конечно, помнила, что здесь у меня есть родственники и знакомые, с которыми, правда, я многие годы не общалась. Но у кого из нас не возникает желания в чужой стране встретиться с соотечественниками?

VI

Набираю номер телефона моей дальней родственницы, которая уехала из Питера, вернее еще из Ленинграда, двадцать лет тому назад. Она замужем за американцем, замуж вышла и ее дочь, тоже за американца. Уже появилось новое поколение - двое очаровательных детишек, которым, несмотря на американского папу, дали русские имена.

По удивительному совпадению завтра у моей родственницы был день рождения, на завтра же назначен званый ужин, где соберутся ее друзья - эмигранты с Брайтон-Бич. Мне все это, конечно, интересно. Я сажусь в Бостоне в автобус и еду в Нью-Йорк.

На платформе автовокзала мне в объятия бросается пышная дама, в парике, в модных роговых очках на красивом ярком лице. Боже мой, неужели это Маринка, которая покинула Ленинград, держа за ручку свою маленькую дочь и прижимая старушку-мать? Смутно припомнилось то время. До меня доходили рассказы наших родных о том, с каким трудом им пришлось выехать. Прежде всего не выпускали мать Марины. Тетя Соня всю жизнь работала на фабрике "Большевичка", была пятьдесят лет членом партии, только что получила соответствующий памятный значок. И вдруг такая новость: ветеран партии собирается уезжать из страны вместе с дочерью. В райкоме партии утверждали, что в таком возрасте (ей было 70 лет)

и при таком состоянии здоровья (у нее была гипертония) двигаться никуда нельзя. Предлагали прислать на дом врачей и т. д. и т. п.

Тетя Соня была непреклонна. Партию не хаяла, но без дочки в Союзе оставаться не желала. В конце концов, ветеран партии тетя Соня

положила в райкоме на стол свой партбилет и укатила вместо Израиля, о чем официально сообщала, в прекрасную Америку.

Теперь ее уже нет в живых. Она покоится на еврейском кладбище в Нью-Йорке. А ее дочь и внучка обрели здесь, как и тетя Соня, вторую родину.

Застолье устроено было по-американски. На бумажных скатертях - одноразовая пластиковая посуда, но количество блюд и их разнообразие соответствовали русскому столу. Здесь была и русская икра, и селедочка "под шубой", и русская холодная водочка, и хрустящие соленые грибочки, и дымящаяся вареная картошка с укропом, и еще много чего. Кроме того, деликатесные мидии и осьминоги и еще какие-то морепродукты, правда, которыми нас теперь в России не удивишь.

Но главным "блюдом" были разговоры за столом. Друзья по счастью жить в Америке, эмигранты из разных городов бывшего Советского Союза, собрались здесь, на узкой полоске американской земли. Вытеснив чернокожих, они, судя по всему, навечно поселились на побережье под названием "Брайтон-Бич". Об этом удивительном феномене написано немало. Мне же представилась возможность лицом к лицу встретиться с жителями этого славного местечка.

За столом по очереди мне представлялись:

- Элла Ботвинник, бывшая медсестра из Харькова. Здесь работаю юрисконсультантом, помогаю вновь прибывшим соотечественникам адаптироваться и справиться с бюрократической американской волокитой.

- Софья Ваксман - врач-офтальмолог высшей категории, конечно, в России. Здесь удалось получить место постоянной сиделки.

- А я - "бемиситор", сижу с маленькими детишками, раньше работала стюардессой. Муж пока на пособии.

- А вот моя подруга, - Марина представила когда-то красивую, а теперь сильно увядшую женщину.

- Архитектор из Москвы, Арина. Живу с сыном, на пособии. Мальчик не работает, у него проблемы с американским правосудием, обвинили в изнасиловании, оклеветали по доносу. Сейчас уже несколько месяцев мы все боремся за его судьбу.

Потом представилась еще одна супружеская пара, они приехали из Минска, пока нигде не работают.

В разговор вступила Сулико, она из Грузии, певица, заслуженная артистка (сейчас со всей многочисленной семьей занимается рекламой пылесосов):

- Вы, конечно же, останетесь здесь? - заинтересованно спросила Сулико. - Здесь чудесно! Мы неустанно благодарим американское правительство, которое так много делает для нас, эмигрантов. Мы все можем не работать, а, тем не менее, вполне прилично существовать. Ну, а если есть еще и работа, то жизнь здесь чудесная. Вот видите, какой прекрасный у Мариночки стол!

В самом деле, в конечном итоге лучше всех своих знакомых сложилась судьба у моей родственницы. Она живет в собственном небольшом домике на тихой улочке рядом с Брайтон-Бич. Получает не пособие, а пенсию, которую заработала в фирме, но главное в ее жизни - последнее увлечение: она стала композитором и поэтом.

То ли ностальгия по Родине пробудила в ее душе нерастраченные в молодости поэтические и музыкальные образы, не знаю, но налицо фонтан творчества, который воплощается в совсем неплохие песни и стихи.

- Нет, я здесь не останусь, - категорически возразила я. - Выполню свою программу и уеду.

- Возможно, в Америке стоит зарабатывать деньги, а жить нужно у себя дома.

Застолье завершилось далеко за полночь. Марина раскладывала в пластиковые стаканчики оставшуюся от пиршества еду и давала ее с собой гостям. Сулико она сказала, что это для ее сыновей, а супружеской паре из Минска:

- Угостите вкусеньким свою собачку Матильду.

В общем, все были довольны и веселы, вечер удался. Между тостами звучали песни Марины в исполнении автора, Сулико и тенора Мишеньки.

Когда закрылась дверь за последним гостем, Джек, муж Марины, завернул в бумажные скатерти все вместе - и посуду, и остатки пищи. Сунул огромный пакет в мусорный контейнер, что стоял у дома. Большой пир закончился, а уборка минимальная. "Вроде неплохо, - подумала я. - Гигиенично, и никакой мороки".

И все же я консервативна. Люблю, когда на белой скатерти сияет всеми огнями радуги хрусталь! Невольно мне тут же припомнился случай, когда в наш городок в начале девяностых приехала группа норвежцев, они привезли несколько контейнеров с гуманитарной помощью: продуктами и бывшими в употреблении шмотками. Желающих распределять эти богатства было предостаточно, а вот желающих принять гостей - маловато.

То было время пустых прилавков и талонов на продукты.

Звонок моей знакомой застал меня врасплох:

- Нет ли у вас желания принять у себя норвежцев? Кстати, в группе есть ваши коллеги - журналисты.

Едва поколебавшись с ответом, я согласилась. Ведь что-то в холодильнике всегда есть. А тут мне друзья пообещали, что принесут селедку и соленые огурцы.

Наш традиционный салат "оливье" возвышался над столом египетской пирамидой в роскошной хрустальной вазе, что досталась мне еще от мамы. Принесенная селедка распласталась на зеленом продолговатом блюде в уксусном соусе, словно морской котик на лежбище. Вокруг селедочной тушки, разрезанной на маленькие ломтики, белыми барашками резвился репчатый лук. Наша элитная гатчинская картошка, сдобренная маслом

и зеленью, словно какой-то заморский продукт, излучала дивные ароматы. По всему было видно, что стол удался: было красиво и аппетитно.

Норвежцы остановились на пороге комнаты, как вкопанные. Они могли ожидать все, что угодно, но только не эту красоту. Что это за русские? Везли им целый трейлер еды, голодающим, и вдруг такой стол! Самые находчивые из гостей вытащили свои фотокамеры и стали щелкать затворами. Рассказами соотечественников не убедишь, нужны доказательства феномена русской жизни.

Потом я видела, как позже эти же норвежцы снимали пустые прилавки в продовольственных магазинах на главной улице нашего города - проспекте 25 Октября.

Марина уговорила меня пожить у нее несколько дней.

Вместе с ней и ее мужем Джеком мы как-то завтракали в ресторане на последнем этаже одной из башен-близнецов Всемирного торгового центра. Я сверху сделала несколько фотографий Манхэттена с высоты птичьего полета. Потом, спустившись на скоростном лифте, запечатлела себя

у каменной стелы, рядом со знаменитым зданием. Теперь, после 11 сентября 2001 года, эти снимки приобрели совсем иное, чем просто снимки на память, значение. Этих зданий больше нет...

Мы провели вместе с Маринкой и ее мужем около двух недель.

VII

Моей же целью было добраться из Нью-Йорка до Принстона и выполнить намеченную программу. Наконец Марина дала согласие отвезти нас с Милой Ансельм в Принстон. Мила приехала из Бостона накануне, переночевала в доме у Марины, и утром мы должны были тронуться в путь.

Обстоятельный Джек включил утром телевизор, чтобы узнать на день прогноз погоды. На экране то и дело показывали карту Америки, диктор сообщал о грядущей непогоде. Мы и сами видели, что порывы ветра приносили с океана мелкую снежную крупу, которая в считанные минуты засыпала все вокруг. Джек категорически запротестовал относительно нашей поездки.

- Непогода, непогода, - повторял он.

Мы переглянулись с Милой, у нас, в России, этот мелкий весенний снежок просто бы никто не заметил, а в Америке это была большая не-погода!

Мы сели ждать, в прямом смысле, у моря погоды, благо наш дом стоял в конце тихой улицы, которая упирается почти в самый берег Гудзона.

К обеду выглянуло солнце, снежная крупа постепенно превращалась в мутный кисель. Наконец была дана отмашка к отъезду. Мы сели в машину и покатали в сторону Принстона.

О, прекрасные американские дороги! Идеальная разметка, обилие предупредительных знаков и вежливые водители. Все это делает ваше путешествие не только приятным, но и в меру безопасным. Мы ехали втроем весело, предвкушая будущие встречи.

По университетскому городку Принстону мы, к сожалению, проехали очень быстро, не рассмотрев как следует его достопримечательностей. А жаль. Было бы больше времени, непременно нашла бы тот дом, где жил Альберт Эйнштейн. Он, как эксперт Военно-морского министерства США, начиная с 1948 года, встречался здесь с русским физиком, невозвращенцем Георгием Гамовым. Георгий Антонович каждую вторую пятницу садился на утренний поезд и ехал в Принстон, имея при себе портфель, туго набитый конфиденциальными и секретными проектами Флота США. Они обсуждали последние разработки этого могучего военного ведомства.

Мы спешили. Потеряв утро в ожидании хорошей погоды, мы окончательно опоздали к намеченному часу нашей первой встречи. Дорога крутилась по окраинам городка. Мы искали сообщенные нам накануне приметы на дороге, указывающие, где с основной трассы мы должны были повернуть на частную дорогу, к частному дому, с территорией, на мой взгляд, в несколько гектаров. Это было новое жилище семейства Мигдалов.

Александр уже устал нас ждать. Постоянно трезвонил мобильник, отвлекая хозяина от разговора. Времени было мало, но обещанное интервью он дал. Это был поток теплых воспоминаний о годах молодости, об интересной работе, о дружбе и постоянных розыгрышах.

- Мы с Алешкой, что называется, были друзьями. Мы нра-вились друг другу. Мне нравилось, как он говорил, мне нравилась его широта мысли, мне нравилось его внутреннее благородство, его взгляд на мир. Мне нравилось то, что он, так же как и я, вырос в научной семье и был романтиком. Мы получили этот романтизм от наших родителей, и он в полной мере нами не использовался, но передался. И еще у нас с ним было одно общее - интуиция. У него было понимание людей, была доброта, была широта. Мне кажется, у меня тоже были качества, которые ему нравились. Мы могли посмеяться друг над другом. Был один эпизод в ночь накануне первого апреля. По законам нашего быта можно было разыгрывать человека в любую минуту первого апреля. Скажем, в двенадцать ноль одна можно уже человека разыгрывать, утром он будет начеку, но в первые минуты первого апреля бдительность потеряна. Я ему позвонил, извинился за поздний звонок. Часы только что пробили двенадцать ночи, уже было

первое апреля, я все специально продумал, подготовился, сфабриковал историю...

Алеша тогда разрабатывал теорию, которая позволила бы вычислить мировые постоянные, в том числе постоянную тонкой структуры. Он также занимался расчетами свойств ядер, он пытался построить теорию, которая бы это объясняла. Он был очень увлечен этой работой. Мы, как теоретики, знали, что если формула верна, то она должна выглядеть так-то, и еще там должно быть некое рациональное число. Я взял свой компьютер и подобрал с пятью знаками такое число, чтобы получилось. Мое коварство заключалось в том, что я сделал еще одну маленькую ошибку. Итак, я ему звоню в двенадцать ноль одна и говорю: "Вот, Алеша, я взял формулу, которую ты мне вчера дал, сделал расчеты, и у меня получилась вот такая цифра (говорю ему цифру), но ты ведь знаешь, я в Питере в гостях, и у меня нет с собой ни учебников, ни калькулятора. Попробуй посчитать на калькуляторе, правильны ли мои вычисления".

Он клюнул и стал считать. И вдруг я слышу: "Мила, это получилось! Сашка, не может быть, получилось!" И началось невообразимое: ликование и радость. Я принимал как мог участие в этой радости. Потом мы повесили трубки, но через пять минут он мне позвонил и сказал приблизительно так: "Ты низкий человек! Если бы не Мила, я бы до самого утра

в это верил, я бы не спал всю ночь. Ты низкий человек!"

Ну, конечно, женская интуиция немедленно поставила фантазера на место, дав понять, что, скорее всего, это первоапрельская шутка. Мне же на всю жизнь запомнилась радость нашего ликования. Хотя я был настоящим обманщиком и низким человеком, но в тот момент я как бы забыл об этом и вместе с ним был преисполнен чистейшей радости научного открытия.

То, чем мы жили все эти годы и чем занимались, для меня заключено не в формулах, которые мы писали. Эти формулы, как звуки музыки, как песня, но это не то, что остается. После крупного физика остаются не многочисленные формулы, а пара формул или теорем. Остаются не формулы, а идеи, как формы языка. Вот мы, все вместе, развивали какую-то идею, какую-то мысль, она-то и осталась жить после нас.

Я говорю осталась, потому что я тоже ушел из физики на несколько лет раньше. Теперь я занимаюсь совсем другим делом. Я свою прежнюю жизнь кончил. Я умер и снова родился. Теперь я совершенно другой человек, я иначе смотрю на мир. Между мной и тем миром, как говорят физики, большая гора. Здесь, в Америке, происходит перекачка информации из той Вселенной, о которой я говорю, в ту, в которой я сейчас живу.

Теперь, глядя со стороны, я могу объективно оценивать, что же было замечательного и важного сделано в те годы. Ни одна конкретная формула, ни одно уравнение не остались

в учебниках, однако мы делали очень важное дело, мы создавали язык...

Вот стих Бориса Пастернака, который я очень люблю:

И сады, и пруды, и ограды,

И кипящее белыми воплями

Мирозданье - лишь страсти разряды,

Человеческим сердцем накопленной.

Вот мы накапливали эту страсть... А когда и где она разрядится - это не наше дело.

Заканчивая нашу беседу, я не удержалась и все же спросила его об отце, академике Аркадии Бейнусовиче Мигдале, который входил в великую когорту физиков-теоретиков старшего поколения: Л. Ландау, И. Померанчук, В. Фок. Это о нем и о Ландау ходил в свое время шуточный и немного злобный анекдот о том, что "Ландау - великий физик, а хочет казаться бабником, Мигдал - бабник, но все его принимают как великого физика".

Я встречалась с Аркадием Бейнусовичем Мигдалом. Он приезжал к нам в Зимнюю школу физиков читать лекции. Руководство Института ядерной физики им. Б. П. Константинова РАН ежегодно организовывало ее под Ленинградом, в Репино, а то под Лугой или в Зеленогорске.

Еще я встречалась с Аркадием Бейнусовичем на Кавказе, в Домбае. Он ежегодно весной, обычно в марте, приезжал сюда кататься на горных лыжах. В районе "Горной хижины" я повстречала его вместе с академиком Львом Борисовичем Окунем.

В тот год я возвращалась домой из Карачаевска. Из окна автобуса на прощанье помахала рукой статуе горянки, что стоит у въезда в город, держа на вытянутых руках чашу с айраном - символом горского гостеприимства. Каждый входящий и въезжающий сюда сразу встречался с прекрасным образом женщины - символом терпения и доброты. Как жаль, что

в наши дни из-за войны в Чечне на Кавказе многое изменилось...

На этот раз мы столкнулись с Аркадием Бейнусовичем в аэропорту Минеральных Вод. Моложавый, загорелый, с лучистыми васильковыми глазами, он был окружен молодыми спутницами, которые весело шутили, развлекая собеседника.

- Мой отец, - начал Александр, - был человеком очень сложным и многогранным. И, несмотря на свою любовь к популярности, он на самом деле хорошо прятался от нее, и люди видели лишь его внешнюю оболочку. И почти все, кто пытался копировать его, копировали неправильно, и никому это не принесло добра. Потому что копировать нужно было его талант, а для этого нужно немножко его иметь. Нужно было, прежде всего, его понять, что же он хотел сказать, потому что просто слушать буквально ни его, ни кого другого нельзя.

Он был человеком счастливым. Он научился быть счастливым даже в ужасное сталинское время. Он был счастливым, не как ныне "новые русские", утонувшие в икре, а он был счастлив тем, что он делал нечто возвышенное и благородное. Он сохранил свое гражданское лицо, он не запятнал себя ничем. Он исповедовал "марсианскую" мораль. Эта мораль пришла не с Марса, а из двадцатых годов. Так или иначе, это была некая вполне последовательная точка зрения. Кажется, это шло от Александры Михайловны Коллонтай, Впрочем, не знаю, откуда это шло. В общем, его мораль была не стандартной. Были определенные принципы, которые он старался соблюдать. Именно их он мне передал, и я их соблюдаю... Часто под влиянием этих принципов, которые он мне внушил, мне в жизни приходилось делать вещи очень не практичные, совершать безумные поступки.

Ну, вот примеры: я разрушил свою научную карьеру, я компрометировал свое лицо, я, казалось бы, делал вещи вопреки здравому смыслу и не мог объяснить, почему я это делаю. Но на самом деле, наверное, все идет для внутреннего развития. Таким людям, как мой отец и каким был я, необходима внутренняя свобода. Вот тогда все объяснимо, поскольку все поступки оправдываются тем, что достигается в конечном итоге.

Я с уверенностью утверждаю, что человек имеет право быть самобытным и свободным. Мой отец был ярким носителем этих качеств, по ряду поступков окружающие ценили его очень высоко, по гамбургскому счету.

Отец научил меня отделять главные вещи от второстепенных. И, главное, он научил меня быть счастливым! Он научил меня жить активно, научил меня не бояться жизни, научил меня борьбе, потому что очень многие интеллигенты этого лишены. Мой отец не был интеллигентом, он сам себя сделал. Он был, конечно же, культурным человеком, но, в понимании Антона Павловича Чехова, например, он не был интеллигентом.

- Откуда он?

- Это тайна, покрытая мраком... Многое неизвестно. Не ясно, был ли он сыном моего дедушки. Он сильно отличался от своих братьев и сестер. Он был трудным отцом. Очень хорошо было быть его другом. Когда я стал его другом и перестал быть просто сыном, наши отношения наладились. До этого все было ужасно: я бунтовал, а он подавлял. И мы оба страшно переживали. В наших генах были и бунт, и подавление. Но когда мы стали друзьями, то все изменилось к лучшему.

- Он москвич?

- Ну, нет, конечно. Все евреи того времени происходили из местечек. Вот и он происходил из города Лида Гродненской области. Приехал в Ленинград, поступил на рабфак, пробился в университет и сделал себя тем, чем стал в дальнейшем - физиком-теоретиком. В конечном итоге - академиком.

Моя проблема была в том, что мне была уготована судьба профессорского сына, ну, а потом сына академика. Многочисленные знакомые моего отца были готовы вытаскивать меня из передряг, выручать, проталкивать куда-либо, до определенного предела. Я не имел права стать самобытным человеком, я должен был соответствовать этому стереотипу. Когда я пытался доказывать, что я - это я, то тут же передо мной вырастала глухая стена. Вот тогда я принял решение доказать, что я - это я, уехав на другой конец земли. Я уехал не от советской власти, я уехал не от КГБ, я уехал от моего отца, которого любил, я уехал туда, где я гарантированно знал, что он не сможет помочь мне пробиться. Я уехал сюда для того, чтобы доказать самому себе и всем, кого я люблю, что я - это я.

- Вы тоже себя сами сделали?

- Да, это так. Но мне было трудно, потому что я не с нуля начал, я начал с тяжелого стереотипа, который нужно было ломать.

Я очень счастлив, что в последние годы у меня с отцом было полное согласие. Он приехал сюда (в Принстон), умер у меня на руках. У нас с ним в последние месяцы было больше взаимопонимания, чем в прежние годы. Я выполнил свой сыновний долг. Я помогал ему в последние часы жизни разобраться в бреде - что кажется, а что явь. Мы с ним вместе смеялись над предстоящей смертью. Мы ее презирали! Мы радовались жизни. Он учился работать на компьютере в последние месяцы своей жизни, зная, что болен раком.

Он очень любил водить машину. Я давал ему ездить, хотя это было страшно, он был уже слишком слаб. Как-то показал ему придуманный мной трюк - как можно снять пиджак или пальто на полном ходу, не выпуская из рук руль. Примерно за месяц до кончины он ехал в машине, ему стало жарко. Он мне подмигнул, улыбнулся своей телевизионной улыбкой и начал проделывать этот фокус. Я похолодел. Потом, когда все завершилось благополучно, он сказал мне, смеясь: "Это я для того проделал, чтобы ты не подумал, что я уже ничему не могу научиться".

- Он был сильный человек?

- Да, сильный, эгоистичный, талантливый и очень свободолюбивый. Это, пожалуй, главные черты, которые я у него унаследовал.

Отец похоронен на Новодевичьем кладбище. Здесь, в Прин-стоне, он был кремирован, и прах его был перевезен мной в Москву.

...Александр поглядывал на часы. Время, отпущенное для нас, давно кончилось. Он торопливо извинился и удалился решать неотложные дела фирмы, которую теперь возглавляет и которая, как мы успели заметить, дает ему материальное благополучие.

Мы остались втроем: я, Мила и Марина, нужно было немного перевести дух. Разговор с Александром был приятным, но для меня напря-женным -

приходилось совмещать функции телевизионного оператора и интервьюера.

Из дальней комнаты, одетая по-домашнему, вышла Татьяна Никитична Толстая. Она, на правах сватки, гостила здесь по несколько месяцев и работала над рукописями своих новых книг.

- Татьяна! - радостно воскликнула Мила.

- Ужель та самая Татьяна... - с усмешкой повторила Толстая.

- Вот не ожидала тебя здесь увидеть, а мы Сашу интервьюировали. Снимаем фильм об Алеше. Может быть, и ты что-нибудь расскажешь о нем. Ведь вы все-таки часто встречались.

Татьяна Никитична неожиданно для меня быстро согласилась дать интервью. Я, не мешкая, настроила камеру, усадила ее в глубокое кресло, прикрепила микрофон. Видно по всему, воспоминания об Алеше были для нее приятны. Она с легкой улыбкой начала рассказывать об их знакомстве и последующих встречах:

- Наши судьбы переплелись случайно. Пересеклись дороги, и дело даже не в обстоятельствах. Он был мне родная душа, сразу, в ту же минуту. Для этого были тысячи бессознательных причин. Одна из причин была та, что он напомнил мне моего папу, а с папой мне было всегда очень легко, потому что ему было все интересно, мир интересен! Эта же черта, которая довольно редко встречается в людях, была и у Алеши. Это такая особенность характера, когда человеку интересен не он сам, а то, что находится за пределами его "Я". Это может быть что угодно: от теоретической физики до мелких букашек. Вокруг существует мир, и этот мир удивителен! Как же им не интересоваться, как же его не любить, как же не тратить на него свое время, весь свой интерес, чтобы попробовать его понять и другим об этом рассказать.

Меня всегда очень интересовал вопрос мироздания. Хотя это мне не по специальности, но если появлялась возможность об этом что-то узнать, то я приставала с соответствующими вопросами к отцу, к моим знакомым. Надо сказать, что мой отец и Саша Мигдал, и Алеша Ансельм, несмотря на фантастическую разницу научной направленности (потому что я филолог, а они большие физики), никогда не отказывали мне рассказать про то, как мир устроен. Да, как устроен этот мир, и что они про это знают.

Есть какие-то основные вещи, которые не могут не волновать человека. Это пространство, возможность обратного хода времени, тот материал, из которого сделан мир. И почему все так, а не иначе? Электричество, гравитация, микрочастицы, почему в вакууме ничего нет, но все равно рождаются частицы? Я старалась задавать вопрос, который не был бы возмутительно глупым. Для меня главное было получить на него ответ, который я как-то понимала. Но все это были разговоры физика с филологом. В таких разговорах требуется некоторое усилие. Популяризация - такая вещь, когда пытаешься сложные вещи объяснить понятным языком. Алеша умел это делать, и поэтому всегда была база для разговора.

Я уже не говорю о тысяче других тем, особенно о литературе. Алеша любил литературу и знал ее.

В нем была удивительная черта: ощущение вечной юности. Да, он понимал, что мир, который он узнаёт, интересен, но до конца не познаваем, он бесконечен, а человеческая жизнь коротка. Это была юмористическая досада: "Ну, что же ты, Господи, послал мне такой короткий срок?" Ощущение конечности бытия старость отрицает, старости вообще быть не должно. Мешает, что срок жизни ограничен, а так было бы интересно жить дольше, узнавать и узнавать новое.

Мой отец любил повторять одну фразу: "Старость - это дурные манеры". И если подумать, эта парадоксальная мысль очень верна. Если человек воображает, что он старый, и хочет, чтобы он был старым, и все об этом знали, то это он выражает в виде дурных манер: нарочно кричит, публично жалуется

на боли в спине, коленках, даже если они настоящие, но это дурная манера играть в старика. У Алеши было полное нежелание стареть...

Она умолкла. Эту нашу случайную встречу мне хотелось использовать максимально. Выключив камеру, я сказала:

- Татьяна Никитична, а, может, что-то еще расскажете о своей знаменитой родне? Когда еще нас сведет судьба?..

Она подумала, тронула рукой прядь черных волос, устремила взгляд куда-то далеко, поверх наших голов и объектива телекамеры, и начала рассказ:

- Мой папа, Никита Алексеевич Толстой, с родителями (моим дедом, Алексеем Николаевичем, и моей бабушкой, Наталией Васильевной Крандиевской) в 1919 году отправились из Одессы в Константинополь на пароходе "Кавказ".

Они несколько месяцев промаялись в Константинополе. История эмиграции - это отдельная тема. Много народу обнищало, кто-то опустился на дно, кто-то поднялся, но, в общем-то, таких, кто остался здесь, было мало. Отсюда люди бежали в Европу, потому что Константинополь - не место для белого человека.

На последние деньги, которые у них оставались, Толстые погрузились на пароход "Карковадо", направлявшийся в Марсель, во Францию. У них случилась масса забавных эпизодов по дороге. Один из них, о котором они рассказывали, а бабушка даже оставила в своих воспоминаниях, связан был вот

с чем. На пароходе ехали разные люди, ехали даже очень богатые. Так вот богатые люди села играть в покер и пригласили мою бабушку. Бабушка села играть. Дед пришел в полный ужас, потому что у семьи нет ни копейки, а она сейчас будет фасонить, делать вид, что ей хоть бы что, и играть в покер. Они, конечно же, сейчас разорятся со страшной силой, она влезет в долги, карточный долг - это долг чести, и его невозможно не выплатить, но денег нет совсем. В общем, дед был в сильной панике. А у бабушки, когда она села играть, был

с собой такой талисманчик - маленький сушеный морской конек, маленький-маленький...

Она на счастье зажала его в руке и села играть. Проходит один круг, второй, и ей выходит очень удачная карта, самая высокая комбинация. Она понимает, что выигрывает. Она начинает повышать ставки. Все подумали, что мадам блефует, и тоже начали поднимать ставки со страшной силой. Все это идет и идет до тех пор, пока у кого-то не сдадут нервы, и он не предложит открыть карты. В итоге бабушка выигрывает огромную сумму. Этой суммы им хватило на два месяца жизни во Франции. Повезло неслыханно! Точно так же она могла разориться дотла.

Будучи людьми легкомысленными, по прибытии в марсельский порт они первым делом помчались в ресторан есть суп "буайбез" (boiyabaisse). Наевшись этого "буайбеза", они поехали в Париж, сняли там квартиру, прожили в Париже два месяца, и все выигранные деньги кончились...

Какой может быть заработок у писателя в Париже? Русские эмигранты объединялись в группы, чтобы легче было выжить. Наши дружили с Буниным. Все вместе перебивались с хлеба на воду. Жили в неотопливаемых помещениях, а у большинства дети, дети пищат, а в то же время все молодые, хочется сходить на какие-нибудь танцы, в ресторан, выпить коньяку в барах... Ситуация шаткая и валкая. Все время теплилась надежда, что можно будет опубликовать свои произведения, но и эта надежда рушится. В складчину выпустили сто книг, книги все по-русски, их никто не покупает, и в таком положении были почти все. Была надежда, что в России организуют издательство для эмигрантов. Много раз им обещали, но все впустую. Советская власть не хотела иметь чего-либо общего с эмигрантами...

Мои родные брались за самые безумные проекты. Был у них проект завести ферму и выращивать кроликов или коз. Они объединялись с другими горемыками-эмигрантами. Ничего не вышло, только деньги пропали. Они хотели себе купить виноградник и изготавливать вино. Они посмотрели, как французы что-то топчут ногами, думали, что это очень просто. Опять ничего не вышло. У них начисто не было бизнес-жилки. Короче говоря, рано или поздно наши поняли, что здесь - тупик. К тому ж, дети начинают говорить на каком-то ужасном жаргоне "волапюк", вместо русского языка. Ни дедушка, ни бабушка иностранных языков не знали, так, немножко могли объясниться в магазине, а дети вырастают и говорят с каким-то кошмарным акцентом. Ну, в общем, решили возвращаться назад.

Мой дед съездил на разведку, и первого августа 1923 года они вернулись назад. Он поехал, увидел, что начинается НЭП, и безобразиям пришел конец. Так что с 19-го по 23-й они бродили по миру, а с 1923 года окончательно вернулись в Россию.

В своей юности и молодости, в 60-е и 70-е годы, глядя на нашу советскую жизнь, думала: "Какого черта они вернулись?" Ну, ладно, потыркались, потыркались, да все бы и обошлось, зато мы бы были уже сейчас хорошо устроены. Жили бы в хорошей стране, во Франции, например, или еще в какой-то приличной. Не торчали бы в этом советском навозе. Но чем дальше я жила на свете, тем все яснее убеждалась, как они были правы, даже если они были людьми легкомысленными. А это так. Отъезд их был легкомысленный, приезд был легкомысленный, и они в любой момент могли погибнуть. Сколько вокруг людей погибло ни за грош! А им повезло, их этот коршун не заклевал...

У меня не было желания эмигрировать, я к этому относилась с большим подозрением. Чем старше становишься, тем более внимательно относишься к опыту предков. Начинаешь задумываться, почему им там не понравилось, где теоретически нам должно нравиться? Я человек не материальный. Для меня комфорт значит очень мало. Какой-то необходимый минимум - да, но чтобы это было целью жизни - вовсе нет. Угнетала просто советская действительность: грязь, тоска, тупые морды, хамство, мой разваливающийся город (Петербург), то, что народ на тебя смотрит волком, пьянство, то, что сделано все кое-как, кривыми руками, что часто собеседники не понимают ни добрых слов, ни слов вообще. Стукачи на каждом углу, подозрительность, ну, просто полное удушье... Ну, хорошо, а на что это ты все меняешь? Что изменится в твоей жизни?

За границу я попала в 1986 году. В 1985 году пришел Михаил Горбачев, и практически сразу же стало возможным поехать за границу. То есть ездить за границу не стало преступлением! Я съездила туда, потом сюда. Мне было очень интересно покататься по миру, побывать в разных странах,

но почти сразу я поняла, что жить постоянно за границей не надо. Попасть за границу не означает выиграть лотерейный билет. А это означает, что нужно много заплатить, чтобы много получить. Но я совершенно не хочу платить основными ценностями: родней, своими родителями, языком, литературой, друзьями и многим другим.

Россия очень малокомфортная страна для проживания, но она своя, собственная. Вот и семья бывает не самая лучшая. Всегда есть придирки к родственникам - а к родственникам самые большие, они же у тебя всегда на глазах! Но их предать, отдать, поменять на других, тех, воображаемых, которые в белых костюмах с теннисными ракетками в руках, нет, извините. Это мои родственники, и менять я их не хочу, я сама такая же, как они. Самое главное, что этот обмен не справедлив. Невозможно жить в Европе и сохранить то, что тебе дорого в России. Значит, надо постараться сделать хоть что-нибудь, чтобы и в России было хорошо. От одного человека мало что зависит, но все же и он может что-то сделать, чтобы в России было все нормально.

Так случилось, что судьба меня загнала в Америку на десять лет. Потом можно было вернуться в Россию, на полное безденежье, на нулевое

довольствие, не только для меня, но и для всех моих родственников. Это был 1991 год. Отказаться от возможности помочь родным и самой как-то выжить я не могла. Я взяла американскую работу, которую мне предложили в колледже и пропахала еще шесть лет. С одной стороны, это было хорошо, это помогло выжить мне и моим родным, а с другой стороны, кусок жизни вырвали. Представьте себе, просыпаясь, а у тебя части живота нет или одной ноги нет... Потому что годы, которые были самые странные, страшно увлекательные, годы, преисполненные надежд, - их нет. Это девяностые годы, а их нет.

Я, конечно, приезжала в Россию два раза в год, но я появлялась каждый раз, как дурак с мороза! Говорят, что нельзя соединить два берега, это то же самое, что нельзя быть одновременно и здесь, и в эмиграции. Для меня это прошло болезненно... Отразилось это и на моей семье. Я приехала в Америку с двумя детьми. Старший сын отсюда сбежал, зато в России у него дела пошли успешно, он все сделал сам, ему никто не помогал. А младший сын остался здесь, нужно было учиться. В Америке у него все сложилось тоже удачно. Так что моя семья разрезана пополам. И я теперь курсирую туда-сюда. Я сама переместилась назад, в Россию и бросила работу в Америке. Тут все меня считают сумасшедшей и в один голос: "Как же, имея американскую работу, оставить ее неизвестно почему!"

Не надо! Это смерть, а не работа! Это полная вырванность из своей среды, это полное отсутствие смысла жизни! Нет, я этого не хочу!

Я хорошо стала понимать деда и бабушку. Я даже удивляюсь, что они так долго продержались за границей, потому что жизнь за границей - это ощущение полного удушья. Это при том, что нужно пускать корни, а они не пускаются. Почвы для меня тут нет...

Деловая часть нашего визита к Мигдалам закончилась. Мы все, включая маму и жену Александра, молодых (дочь Мигдалов и младший сын Татьяны Толстой недавно поженились), Татьяну Никитичну, Людмилу Николаевну, Марину и меня, расположились на кухне пить чай.

В центре большой комнаты, почти зала, стояла современная электрическая плита с гладкой поверхностью вместо конфорок, здесь же продолговатый стол, на котором были изящно расставлены знакомый нам, питерцам, сервиз в сеточку знаменитого Ломоносовского фарфорового завода, печенье и шоколад. Чай был вкусный, терпкий и ароматный. Но засиживаться мы не могли. Впереди у нас была встреча с профессором Поляковым.

Домик Поляковых притулился почти на выезде из Принстона. Такие удобные одноэтажные дома арендуют некоторые сотрудники университета, приехавшие сюда работать. Поляковы здесь уже несколько лет, домик стал их собственностью. Кроме профессионального интереса,

решающим фактором осесть здесь было наличие хорошей клиники для сына. Он тяжело болен. Болезнь врожденная. Помочь ему, посчитали родители, смогут лишь в Америке.

Уже вечерело. Нас заждались. Начали нервничать, не случилось ли что-нибудь. Эта нервозность передалась и нам. Я быстро включила камеру. Профессор Поляков торопливо начал свой монолог. Я почти не вставляла реплик. Свой рассказ он хорошо продумал и логически выстроил, но казалось, что хотел его поскорее закончить, отсюда и некоторая торопливость. Прошло около получаса, и все было закончено. Быстро перемотав кусок пленки, просматриваю на мониторе камеры картинку. Все неплохо, но... нет звука! Случайно отключили тумблер микрофона, а звуковой контроль не сработал. Решили повторить съемку.

Мы перешли в кабинет Полякова. Плотно закрыли за собой дверь и начали снова. Теперь Александр был спокоен. Я прикрепил к вороту его рубашки петличный микрофон. С техникой, кажется, все было в порядке. Он говорил о науке, о той области теоретической физики, куда даже коллегам порой трудно проникнуть и многое понять. Он говорил о той сложной картине мира, которую они вместе с Алешей строили на протяжении долгих лет в своих теоретических работах.

- Мы дружили с ним четверть века. Были очень близкими друзьями. Когда я переехал в Америку, мы годами не виделись, а когда встречались, разговор возникал с полуслова, в нашей обычной тональности. Мы как бы были с ним в резонансе, очень хорошо понимали друг друга, что редко бывает. Часто уходили с ним в лес или плыли куда-нибудь на бай-дарке. Это были совершенно замечательные дни!

Представьте картину: дивная речка, мы тихонечко плывем по ней и разговариваем, то на общие философские темы, то обсуждаем квантовую механику, а то - как будем грибы готовить, которые Алеша собрал. Он прекрасно грибы собирал, а мне лень было. Это было абсолютное блаженство! Алеша был замечательным собеседником, он не только сам говорил, но и меня стимулировал в разговоре. Это примерно то же ощущение, когда играешь с хорошим партнером в теннис, то и сам играешь лучше.

В последние годы он написал несколько работ философского характера. Это, скорее всего, была дань популяризаторству. Ему хотелось объяснить неспециалистам загадочность природы. Он затрагивал основополагающие вещи: теорию относительности, философское понятие времени. Он пытался показать, насколько красивы и грандиозны эти концепции. Думаю, ему это удалось. У него был хороший литературный стиль. Он был, в значительной степени, человек гуманитарный, но науку ставил гораздо выше.

Мы говорили с ним о будущем физики. Мы сходились с ним в том, что физику ждут серьезные сюрпризы, потому что эксперименты будут вестись с другими энергиями. Стандартная модель элементарных частиц - это огромное достижение науки, но она отнюдь не

все объясняет. Она не отвечает на глобальные вопросы: когда возникла Вселенная и чем она кончится, одна ли Вселенная или их много и т. д. Это вопросы вне рамок Стандартной модели, но эти вопросы интересны, и они есть.

Физика достигла такого уровня, что она может ставить философские вопросы о природе времени, о природе пространства, о природе причинности. Ответы на эти вопросы будут получены в будущем и окажутся также простыми и ясными, как, например, ясен и убедителен сегодня ответ на вопрос: что такое теплота, движение молекул?

С такой же ясностью и убедительностью мы в будущем сможем ответить на вопрос, что происходит внутри черных дыр, где пространство и время сильно деформируются, и ясно, что для этого физика сейчас создает совершенно новый язык. Физика сегодня стоит на пороге перемен...

Мы еще долго говорили с А. Поляковым о том, что в последнее время все больше появляется лженаучных статей, и что Алексей Андреевич всегда с возмущением реагировал на такие публикации. Он был активным борцом с невежеством, понимал, что невежество победить трудно, но нужно...

Наша беседа подходила к концу. Запись получилась, технических накладок не было. Мы собрались в обратный путь. Потом дома, просматривая пленку с записью нашей беседы с А. Поляковым, я никак не могла отделаться от ощущения, что мне довелось встретиться не просто с гениальным ученым, но и с трагической личностью.

VIII

Судьба занесла в США Алексея Андреевича Ансельма не по доброй воле. Тяжелая болезнь заставила хвататься за любую возможность, дающую хоть какую-то надежду на выздоровление. Американские коллеги постарались помочь ему и создали идеальные условия для лечения и жизни. Его положение было критическим. По американской врачебной этике врач не скрывает от пациента истинное положение состояния его здоровья.

Относиться к этому можно по-разному. Человек вправе знать или не знать о себе все. Алеша о себе все знал. Он знал, примерно сколько ему отпущено времени, поэтому старался в эти последние дни как можно больше писать, оставляя о себе память.

Писал много писем друзьям. Не виртуальные послания по электронной почте, а настоящие, на почтовой бумаге с пометками и правками, написанные характерным летящим почерком.

У меня в руках два письма, переданные мне Людмилой Николаевной, женой А. Ансельма, с разрешением их опубликовать.

"Саша, дорогой!

Сегодня провел утро в госпитале, получил свою еженедельную порцию "яда". Это длится около двух часов. Ощущение не из самых приятных, но сегодня мне эту процедуру скрасило одновременное чтение твоей статьи в "Знамени", о Бродском.

Статья, по-моему, замечательная. И какими идиотами надо быть, чтобы свести ее к дискуссии о злополучном "Письме в оазис"!

Даже если увидеть в твоей статье лишь полемику с Бродским о поэзии, то почему же все ограничивать этим несчастным "Письмом"? Да ведь не в этой полемике только суть статьи - мне, например, интереснее твои воспоминания. Из них так видны твои восхищение и любовь к Иосифу, что просто диву даешься, как можно усмотреть в этом

какую-то чуть ли не склоку? Но каждый меряет по своему душевному масштабу, вот и виден масштаб всей этой околотитературной шати-брати. Ну, да черт с ними.

Мне очень близки твои мысли о языке и жизни в целом. Конечно же, жизнь не исчерпывается языком, и, действительно, душа поет, а не язык. Нет ничего одного, что может заменить жизнь во всей ее многогранности: ни язык, ни музыка, ни живопись, ни вообще искусство, ни наука, ни любовь, ни смерть. Из этого ряда ощущение приближающейся смерти, наверное, все-таки ближе всего по уровню ко всей жизни, но и смерть уступает жизни. Жизнь - больше.

Для меня вся красота жизни именно в ее несводимости ни с какими, даже самыми замечательными, ее сторонами. Меня поражает отсутствие окончательных высказываний о жизни. Жизнь не... то, другое, третье, она и то, и другое, и третье. И каждая конкретная жизненная ситуация всегда имеет много сторон, как в том анекдоте: "И ты прав, и ты прав...".

Эта неокончателность стала для меня с годами почти религией и порядочно мешает мне жить. Как оценить ситуацию, когда видишь сразу столько аспектов проблемы? Хуже всего было мне во времена моего директорства, очень трудно принимать решения, глядя сразу, как стрекоза, во все стороны.

Вот написал и подумал: но ведь не избавляет нас это от необходимости и возможности иметь кое-какие оценки?

Чем-то же отличаются для нас любовные похождения Клинтона и Берии?

И я-то знаю, что Достоевский лучше Толстого, хотя ты знаешь обратное. Нет, положительно ничего нельзя сформулировать окончательно!

Вот только если - красота. Как-то удивительно много объединяет это емкое слово: и искусство, и науку, и любовь... и смерть? Иногда даже кажется, что это просто синоним жизни, оттеняющий какую-то важнейшую ее сторону.

Я давно не испытывал такого счастья, как когда писал недавно заметки: "Что такое время?" (Я говорил тебе о них).

Я совершенно забыл, что это не я придумал, а Эйнштейн, да и, по правде говоря, какая разница? Если такая красота! Мне кажется, что нам, очень конкретно физикам-теоретикам, да и то далеко не всем, дано великое счастье видеть красоту мироздания в некотором аспекте, неведомом другим. Но ведь то же самое и для поэтов, разве твое видение поэзии можно сравнить с видением и ощущением поэзии случайного, даже вполне интеллигентного, человека? Мне кажется, мы говорили как-то с тобой об этом.

Что-то я расфилософствовался. Не трудно, впрочем, догадаться, почему. Пора, пора, пора! Творец отдает билет! Не потому, что хочется, а потому, что пора.

И тут опять какие-то есть спасения в ощущении высшей гармонии и красоты мира.

Как-то раз Эйнштейна спросили, как он относится к смерти. Он ответил, что смерть отдельного человека так мало меняет его картину мира, что она не очень его волнует.

Не сомневаюсь в его искренности, он вообще был очень искренний человек. И тут, надеюсь, нет принципиальной разницы между Эйнштейном и мной: если ты можешь ощущать эту красоту, можно пренебречь тем, что не ты ее открыл. Красота выше вопроса об авторстве!

А смерть - она, как рама, ограничивающая полотно жизни. Рама играет не последнюю роль в восприятии картины, но обязательно должна соответствовать картине. Мне кажется, нельзя победить страх смерти, пытаясь забыть о смерти, но только пристально разглядывая ее вместе с жизнью.

А в остальном... Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря. Что мы и делаем.

Какая же это все-таки провинция Бостон, по сравнению с имперским Санкт-Петербургом! И какое счастье, что Петербург существует во всей своей красе и величии и что в Петербурге есть вы и еще пара любимых друзей.

Я только и молюсь, чтобы еще хоть раз вернуться в свой город, "знакомый до слез... У меня еще есть адреса, по которым найду мертвецов голоса".

Видишь, как красота искусства скрашивает жизнь?

Вот такие выпретенные мысли разбудил ты во мне своей статьей.

Целую вас обоих, дорогие, и Милка, конечно, присоединяется. Ваш Алеша".

(Из письма другу и известному питерскому поэту Александру Кушнеру.

Начало 1998 г.)

*"Дорогой Алеша,
я очень обрадовался твоему письму. Боже мой, как мало на свете людей, глядящих на мир без предвзятости, без "закидонов", а следящих за своей маленькой оптикой, не позволяя ей исказить реальность. Твое присутствие в этом мире для меня очень важно - время от времени можно сверить свой взгляд на вещи с твоим, ощутить под ногой твердую почву. Мне кажется, мы похожи, наше отношение к жизни совпадает, и ты прав: поэзия и теоретическая физика - сестры. Замечательно, что к мирозданию, его красоте, о которой ты так точно пишешь в письме, можно подойти с разных сторон - и убедиться в тождественности результата, в наличии некоторой объективной реальности.*

Очень хочу прочесть твои заметки "Что такое время?". Как бы их получить, не дожидаясь, пока они будут опубликованы.

Спасибо тебе за горячий отклик на статью о Бродском. Твое мнение мне очень дорого и перекрывает злословие людей, все меряющих на свой железный аршин.

Твои мысли по поводу "высказываний о жизни" мне очень близки. И на высоком, метафизическом, и на самом обычном, житейском уровне. Я тоже нахожусь в противоречивом состоянии, нерешительности - и это, как ты пишешь, порядочно мешает писать. Зато два соседних стихотворения нередко спорят друг с другом - и возникает куда более правдоподобная картина мира - не застойная, а проточная, не застывшая раз и навсегда, а способная к движению. Догадываюсь, что и в физике происходит то же самое.

Но в жизни, увы, это оборачивается "соглашением", уступками, неумением "постоять за себя" и т. д.

О смерти я думаю всю сознательную жизнь. Можно ли представить жизнь без нее? Какой это был бы ужас! Все равно, ни в двадцать, ни в тридцать лет я не был к ней готов, но к сорока годам уже написал в одном стихотворении:

*Я столько раз в других мерцал и умирал,
Что собственную смерть сносил наполовину.*

Помят ее рукав, и вытерт материал.

В ночь, выходя, ее, как старый плащ, накину...

Постепенно начинаешь кое-что понимать. Ведь нет ни одного исключения! Миллиарды людей умерли до меня, в том числе, допустим, такие, как Платон или Пушкин. Чем же я лучше?

И еще: вот я знал такого-то и такую-то, в том числе какую-нибудь Марью Петровну - и она справилась с этим, умерла. Чем же я хуже ее или трусливей?

*Помню, как мне помогали "стойки", особенно Сенека.
Я читал его, когда умирал мой отец.*

И еще: жизнь с годами лучше не делается, чем дальше, тем она для нас трудней и унижительней. Зоценко, умерший в 64 года, сказал: "Надо умирать раньше. Я слишком долго живу". То

есть он считал, что, умри он раньше - и у него не было бы всех его чудовищных бед и неприятностей.

Ты замечательно написал: "Нельзя победить страх смерти, забыв о смерти, но только пристально разглядывая ее вместе с жизнью".

Ну, хватит об этом. Мне, Алеша, очень не хватает тебя. И я, и Лена - мы ждем вас, тебя, Милу. Очень надеюсь, что вы приедете, и еще не раз, в город, "знакомый до слез".

Сейчас готовится и издается книжка моих стихов и статей последнего времени, куда я включил стихотворение, которое решил посвятить тебе, надеюсь, ты не будешь против этого. Посылаю его тебе с этим письмом.

*Целую тебя и Милу, и Лена тоже целует вас обоих.
Твой Саша".*

(Из письма Александра Кушнера к Алексею Ансельму от 14 апреля 1998 года)

Вот эти стихи. В посвящении Александр Семенович написал:
"Дорогому Алеше Ансельму с любовью. А. Кушнер".

Мир, - как сказал знакомый физик, -
Пространство - время - вещество
И Колизей его коллизий,
И гладиаторы его,
Набор иллюзий и Элизий
Возникли вдруг, из ничего.
Я так и думал, что без плана
Подготовительных работ!
Стихотворенье из тумана
Так возникает и растет.
От первовспышки - до дивана.
И виски в рюмочке, вот, вот!

Все эти радости, листочки,
Обиды, ужасы, моря,
Больницы, звезды, одиночки,
Где плачут, с Богом говоря, -
Всё - из одной случайной точки.
Не уверяй меня, что зря.

И еще одни стихи Александра Кушнера, посвященные А. Ансельму, по сути, стали поэтическим камертоном нашего фильма. Распевно, чуть затихая, а потом к кульминации поднимаясь до высокой ноты, читает он свои стихи в первых кадрах фильма об Ансельме. Он - лучший, на мой взгляд, из ныне живущих, питерский поэт Александр Семенович Кушнер.

Он, любивший ночное небо,
Его устройство,
Разговаривавший со звездой,

Как с подругой детства,
Он, заведомо знавший,
Во что она превратится...
Тысячи лет эти черные дыры...

То есть знавший его заскоки,
Дурные свойства и достоинства
И предлагавший ее как средство
От умственной лени, гордыни, тоски и скуки.
...Он, он, он, задохнувшись,
Нас оставил на попечение
Этих толп, этих полчищ.

А сам затмился,
И теперь я смотрю на звезду,
И звезда, тревожа и смущая меня,
Задает мне из тьмы загадки,
И, уставясь во тьму, говорю:
- Это ты, Алеша?..

Александр Семенович о многом не договорил со своим другом, не доспорил... Уже после кончины Алексея Андреевича вышла книга А. Кушнера о стихах в прозе и о прозе в стихах - "Волна и камень". Как говорит сам автор о своей новой книге, это "история отношений человека с поэзией, хроника любви к ней, роман о любви к стихам". Наверняка, многие темы, которые представлены в последнем исследовании питерского поэта, были в свое время предметом душевных бесед и горячих споров с незабвенным другом, знатоком искусства, литературы и поэзии Алексеем Ансельмом.

- Знаете, мне всегда кажется, что существует какой-то узор в жизни и судьба нам посылает необходимых тебе людей, а с тем, с кем не надо, и не знакомит.

Так случилось и у нас. Моя жена дружила с Алешей. Она знала его раньше, потому что их родители тоже дружили. Позже и я познакомился с Алешей, и так мы прикипели друг к другу, что это знакомство вылилось в нашу дружбу. Мне было интересно с ним, и, надеюсь, ему было интересно со мной. Я вдруг понял, что не важно - пишешь ли ты стихи или занимаешься теоретической физикой, оказывается (я не люблю слово "творчество", слишком высокое слово), тем не менее, в творческом процессе, в творческой работе всегда есть что-то общее. Я знаю, что Алеша записывал в свой блокнот мысли так же, как я записывал свои стихи. Часто набрасывал что-то, и вдруг - осеняла мысль. Но главное было то, что у нас было сходное понимание устройства этого мира.

Я не умею читать формулы, и, разумеется, для меня это все китайская

грамота. Но Алеша умел как-то понятно все объяснить, и некоторые физические "уроки" я усвоил именно от него. Для Алеши, в свою очередь, может быть, было важным то, что я говорил о стихах...

Вот и получается, что физика и поэзия говорят примерно одно и то же о том, как красив этот мир! Как он необыкновенно устроен, загадочен и прекрасен!

Мы говорили с ним и о Боге. Я помню эти слова. Алеша говорил: "А что если Бог все устроил так, чтобы мы могли объяснить этот мир без его участия!.. Бог не тщеславен и не честолюбив, он ушел в тень. И мир может быть объяснен и без него. Так, как будто он здесь вообще ни при чем. А может, это так и есть?"

Он замечательно говорил, что нельзя задавать этому миру бессмысленные вопросы. Можно спросить: "Какой по счету этот меридиан?" Но нельзя спросить: "Какого он цвета?" Точно так же нельзя было спросить: "Что было до Большого взрыва, до момента образования Вселенной?" Мы не знаем, это за горизонтом нашего понимания. Это примерно, как в стихах Евгения Баратынского: "Когда возникнул мир цветущий из равновесья диких сил..."

Алеша считал, что физика постигает и открывает что-то новое на пути к истине. И это очень важно, и человек за это в ответе. Вот точно так же устроена и поэзия, и работа над ней. Да, прежде всего не хочется лгать в стихах, а хочется быть точным, хочется отвечать за каждое слово.

Вспоминаю, как он рассказывал мне о реликтовом излучении, о том, что до нас доходит это излучение, и мы можем восстановить первоначальные процессы, самые удаленные события во Вселенной. Это похоже на то, что мы имеем и в литературе, когда говорим, например, об Одиссее или о каком-то древнегреческом лирике Ахилохе. От него осталось всего несколько строчек, и вот по этим строчкам мы кое-что восстанавливаем. А, по сути, мы восстанавливаем неизменный и вечный стиль лирики. Благодаря этим древним строчкам мы гораздо лучше понимаем вообще поэзию.

Я любил эти разговоры. Мне было интереснее с ним говорить, чем читать некоторых философов, которые заняты какими-то вымыслами и при этом ни за что не отвечают. Такая философия ничем не отличается от богословия, от типичных размышлений о том, что представляет собой Господь Бог, сколько существует небесных сфер или что это за такое состояние, когда слышишь "ангелов полет".

Разговоры с Алешей были тем хороши, что это были ответственные разговоры.

Его смерть сразила меня. Это одна из самых больших утрат в моей жизни. Мне его не хватает, мне хочется говорить с ним, хочется задать ему вопрос не только об устройстве Вселенной, но и о

политике, о чем угодно. Я всегда знал, что получу умный и исчерпывающий ответ практически на любой мой вопрос...

До меня от него дошел "реликтовый" привет. В девятом номере журнала "Звезда" за 1998 год опубликована, уже после его смерти, замечательная статья "Что такое время?". Размышляя на темы близости фундаментальной науки и искусства, столь его волновавшие, он вспоминает меня, и я этим был чрезвычайно тронут. Наша точка зрения на существование параллельных видов красоты совпадала.

Вот почему мы понимали друг друга. Работа физика-теоретика похожа на работу поэта!

IX

Круг друзей Алексея Андреевича Ансельма был обширен. В его орбиту были вовлечены самые разнообразные личности, и каждая была интересна. Мой зарубежный список, куда попали фамилии его коллег, все пополнялся и пополнялся.

По количеству участников, входящих в него, это уже был настоящий элитарный клуб - клуб любителей Ансельма, как в шутку называли друг друга его друзья. Точно так же и мы назвали свой фильм - "Клуб любителей Ансельма".

Работа над фильмом в Питере разворачивалась. Впереди предстояли встречи с участниками телевизионного проекта в Петербурге. Уже стало известно, какая студия возьмет отснятый мной видеоматериал и кто подключится к продолжению этой работы.

Мой друг и в прошлом коллега (мы вместе работали с ним на Ленинградской студии телевидения в самом начале семидесятых годов), а теперь известный питерский режиссер Игорь Шадхан, был очарован личностью Алексея Ансельма после моего эмоционального рассказа о нем. Как человек чрезвычайно творческий, он сразу почувствовал, что предстоит работа с интересным материалом. Мы обсудили с ним концепцию фильма, но, самое главное, он дал мне хорошего помощника, второго режиссера Татьяну Максименко, которая в дальнейшем стала мне и хорошим товарищем.

Наша первая съемка здесь, дома, должна была состояться летом в Комарово, на даче у писателя Даниила Александровича Гранина.

Договоренность с писателем была достигнута, время съемок определено, оставалось погрузить аппаратуру в машину и в путь.

Неудачи начали преследовать нас, как только мы выехали из студии. Барахлил мотор, затем обнаружилось, что мало взяли пленки, ну и в довершение всего наша машина на выезде из города окончательно сломалась. Я несколько раз звонила писателю на дачу, информируя его о

наших несчастьях и о том, что мы медленно, но все же приближаемся к цели.

Когда мы появились у калитки писательской дачи, вид у нашей съемочной группы (режиссера Татьяны Максименко, оператора Александра Яковлева и меня) был жалкий: наша аппаратура заполнила почти весь салон попутного "жигуленка", наши физиономии были потными, а помятая одежда не располагала к доверительному общению. Гранин был в гневе. Мы совершенно сбили его график на тот вечер, он ждал еще гостей. Телевизионщики его явно раздражали, о чем он нам сразу сказал с порога.

Но обаяние личности Алеши Ансельма, как "реликтовое" излучение, и на сей раз нам помогло. Даниил Александрович понемногу успокоился, в дом, правда, не пригласил, но мы нашли тихий уголок за дачей, расположились на крылечке с задней стороны здания, я задала писателю первый вопрос, и мы начали записывать интервью.

Улыбка озарила лицо Гранина, еще раздраженное за минуту до этого, и, словно забыв свой гнев, он начал мягко и тепло рассказывать:

- Алексей Андреевич, а для меня Алеша, из семьи потом-ственных физиков. Вообще потомственные профессионалы-специалисты - это самое лучшее, что может быть. Потомственные врачи, учителя, потомственные физики. Я хорошо знал его отца, Андрея Ивановича, хорошего физика, и его мать, Ирину Викторовну.

Между прочим, Андрей Иванович жил на этой даче, занимался, когда у них не было еще своей. Алеша тоже на моих глазах рос, рос и вырос в замечательного ученого. О его научной работе мне говорить трудно, о ней должны говорить специалисты. Для меня же существовала другая сторона его жизни, не профессиональная, а личностная.

То, что происходило с Алексеем Ансельмом в 60-80-е годы, очень важно понять, поскольку это было характерно для всей нашей физики. Но особенно это касается физиков-теоретиков. Для теоретиков больше, чем кому бы то ни было, необходимо общение с коллегами не только своего института, а общение на мировом уровне. Потому что нет такого понятия "советский физик", "русский физик", это глупое понятие. Есть физик и все.

Он рассказывал мне, что в течение многих лет его не выпускали за рубеж. Сколько приглашений он получал на всякие симпозиумы, встречи, предлагалась работа за границей! Ни при каких обстоятельствах его не выпускали, но точно узнать причину нам не дано. Возможно, это связано с его фамилией. Возможно, с какими-то его разговорами и настроениями.

Надо сказать, что физики 70-80-х годов были наиболее передовой и радикальной частью нашего общества. Это началось еще в 1953-1956 годах, когда они смело выступали против Лысенко. Они поддерживали диссидентов, они позволяли себе открытое недовольство режимом.

Однако одно время я очень разочаровался в физиках. Особенно меня разочаровала вся эта история с Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

Наши физики казались мне очень сплоченными и твердыми, и, значит, людьми принципиальными, а они предали Сахарова, подписали эти позорные письма. Это было большим разочарованием для меня. Я очень любил Андрея Дмитриевича и чтил его. Вы скажете, что не все физики вели себя подобным образом и из Академии его не вывели. Да, это так, но таких было очень мало. Алеша был в их числе. Но большинство же в Академии повели себя не очень достойно в этой ситуации.

Я помню, как после возвращения Андрея Дмитриевича из Горького в Москве был какой-то конгресс. Я был приглашен на этот конгресс, там увидел Андрея Дмитриевича и подошел к нему. Он стоял один, вокруг него была пустота.

К нему подходили иностранные журналисты, но из наших никто к нему не подошел.

Позже, когда мы с ним стояли вместе, подошли еще люди, но когда нас стали фотографировать, они ушли, а остался только один Алесь Адамович. Вот мы втроем и сфотографировались. Несмотря на то, что Андрей Дмитриевич вернулся официально, инерция страха продолжала его окружать...

Иногда мы собирались у нас дома. В основном были разговоры о политике, о том, что творилось при Брежнев, потом при Андропове и при прочих наших вождях. Бывали острые разговоры и споры. Как-то у нас пел Александр Галич, проводили общие застолья с Сашей Кушнером. Бывали прелестные питерские вечера, они отличались какой-то внутренней наполненностью. Это не было просто болтовней, выпивкой и жратвой, это всегда было интеллектуально-возвышенное общение. Алеша был человеком широких интересов: к литературе, к театру, к истории, много читал. Приятельствовал очень живо и интересно со всей культурной элитой города, которая была тогда доступна.

Для Алеши начался совершенно новый период, когда он стал директором Института ядерной физики имени Бориса Павловича Константинова. Он пришел в нужный час и нужный день. Его приход фактически решил для института болезненную проблему: уходил один директор, Воробьев Алексей Алексеевич, и еще был не готов второй директор, Владимир Андреевич Назаренко. Алексею Андреевичу предложили взять на себя эту роль. Он эту роль здорово выполнил, а когда выполнил - спокойно и легко ушел. Но это была внешняя легкость - он болел и страдал институтом. Он рассказывал нам, как в этот тяжелейший переходный период для страны, а значит и для института, он начал зарабатывать какие-то деньги для сотрудников, для молодых теоретиков. Зимние школы физиков во время его директорства стали международными.

Для меня Алеша остался в памяти человеком европейским. Он очень выделялся среди нашей публики своей удивительной породой, смелостью

суждений, какой-то элегантностью. Он очень быстро адаптировался в Европе и в Америке. Как истосковавшийся по ним человек, он легко и органично вписался в европейский стиль жизни.

Стал ли бы я о нем писать? Не знаю. Это довольно болезненно, очень больно. Чтобы писать, надо отстраниться...

Х

На Итальянскую, в квартиру Ансельмов, снимать поехал сам Игорь Шадхан с оператором, Александром Савоненко. В конце лета в Питере собрались нужные нам для фильма люди. Прилетела Людмила Николаевна из Бостона, из Копенгагена приехал ученик и сотрудник Алексея Андреевича Дмитрий Дьяконов, из отпусков возвращались и другие, будущие персонажи нашего фильма.

Мы набирали материал. Хотелось к участию в этой работе привлечь как можно больше интересных людей.

Кабинет Ансельма располагался в самой большой из комнат его квартиры. На стенах картины, есть и известные имена. Алексей Андреевич интересовался искусством. Среди его друзей были и художники.

Он поддерживал художников в их трудные времена не только морально, но и материально, покупал картины, которые изгоняли отовсюду. Вот работы питерских художников Альберта Розина и Анатолия Зверева. А это шаржированный портрет хозяина кабинета, сделанный Екатериной Толстой. У окна огромный дореволюционный дубовый письменный стол с лампой в стиле модерн, старинный письменный прибор, рядом зеленоватый нефритовый нож для разрезания бумаги, книги, множество бумаг, фотографии дочери и внучки в изящных рамках. Здесь все пока осталось таким, как было при жизни хозяина. Мягкие глубокие кресла, диван, красного дерева шкафчик с коллекцией фарфора, который много лет назад собирала его мама, Ирина Викторовна.

В этом кабинете-салоне, где так часто собирались коллеги физики-теоретики и многочисленные друзья, как нам кажется, до сих пор живет "реликтовый" дух Алексея Ансельма...

Личность Ансельма захватила не только меня. Игорь Шадхан захотел сам взять интервью у Людмилы Николаевны. Я была рада его предложению, зная, как мастерски он это умеет делать. Практически все его лучшие телевизионные работы построены на этом трудном жанре тележурналистики, начиная со знаменитого телевизионного цикла "Контрольная для взрослых" и заканчивая фильмами последнего времени, такими как "Портреты знаменитых петербуржцев" и многими другими.

От Милы Игорь Шадхан хотел услышать подробности из жизни Алексея Ансельма, о которых нам рассказать не сможет никто другой.

Обстановка во время интервью была непринужденной. Игорь умел расположить к себе собеседника. Мила просто и доверительно рассказывала об интересных событиях из жизни мужа:

- Алеша был экстравертом. Он был открытый человек и не скрывал своих ни хороших, ни плохих черт. Некоторым его друзьям было известно, например, что он спит в ночной рубашке.

Они подарили ему во время праздника, по случаю защиты диссертации, ночную рубашку и ночной колпак. Он был искренне рад этому подарку и, не стесняясь, танцевал в этом наряде на праздничном вечере.

У него была одна странная черта - удивительная педантичность. Он для каждой бумажки освобождал какое-то определенное место, а поскольку бумаг было много, то и мест было много. Поэтому часто очень важное терялось: то паспорт терял, то ключи. Мне приходилось перебирать сотни бумажек, лазить по всем этим местам, отыскивая эти вещи. Он сам найти ничего не мог. Помню, как перед самой поездкой в Англию Алеша потерял паспорт. Было перевернуто все, и, наконец, он нашелся среди каких-то бумаг. Он знал этот свой недостаток и подтрунивал над собой. Он очень ценил людей, которым присуще чувство юмора, сам любил юмор и умел хорошо пошутить.

Еще он любил белые ночи. В этом он был очень русский, любил свой город. Отсюда, с Итальянской, мы шли гулять. Через Манежную площадь, по кленовой аллее, к Инженер-ному замку, потом мимо Марсова поля и далее по набережной. У Александра Кушнера есть замечательные стихи, в них поэтическими средствами указан наш маршрут:

Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки,
У стриженных лип на виду,
Глотая туманный и стойкий
Бензинный угар на ходу,

Меж Марсовым полем и садом
Михайловским, мимо былых
Конюшен, широким обхватом
Державших лошадок лихих.

Пойдем же! Чем больше названий,
Тем стих достоверней звучит,
На нем от решеток и зданий
Тень так безупречно лежит.

...Пойдем же по самому краю
Тоски, у зеленой воды,
Пойдем же по аду и раю,
Где нет между ними черты...

Игорь Шадхан задавал Миле порой очень личные вопросы, но задавал их так деликатно, что и ответы получал откровенные.

- Чувствовала ли я себя уверенно в жизни? Не всегда. Особенно в начале. Я была девочка из провинции. Приехала из Иркутска, успешно поступила на физический факультет, потому что у меня была серебряная медаль. Я должна была осмотреться и понять, что мне надо. Это был период довольно длительный. Я тогда не очень уверенно себя чувствовала...

У Алеша тоже была серебряная медаль, но с его поступлением на физический факультет университета все прошло не так гладко, как у меня. Его гоняли два дня. Вопросы, которые ему задавали, он запомнил на всю жизнь. Последний вопрос был такой: "Какие газеты вы читаете?" Он перечислил "Правду", "Известия". А они говорят: "Вы комсомолец, а "Комсомольскую правду" не читаете". Алеша отвечает: "Нет, я читаю "Комсомольскую правду"!" - "Перечислите последние передовые статьи, которые были в "Комсомольской правде"". Алеша: "Своевременно подготовимся к уборке урожая".

Но его все равно тогда не приняли на физический факультет. Он стал там учиться несколько позже.

Мы познакомились на университетском вечере. Я жила в общежитии, он иногда туда приходил. Первый раз, когда мы встретились, была весна и белые ночи. У нас был вечер в общежитии, он пришел и пригласил меня танцевать. Алеша любил танцевать. После этого между нами возник какой-то интерес друг к другу. Мы стали общаться. В университете у нас была огромная физическая аудитория. Обычно у каждого были излюбленные места. Одни сидели по правую сторону, а другие - по левую. Сначала Алеша сидел по левую сторону, а потом перешел туда, где сидела я. С тех пор мы обычно сидели на лекциях вместе. Алеша был физик до мозга костей. Он мог прочитать одну книгу и тут же почти полностью

запомнить ее содержание. Он мне много помогал и объяснял по физике, и не только по физике - по литературе тоже.

У меня постепенно возникла к нему большая любовь. Но наши отношения продолжались довольно долго, и только к пятому курсу я окончательно определилась в своих чувствах.

Семья, куда я вошла, была замечательная. Мама - физик, папа - физик. Отец мамы, Ирины Викторовны, был врачом, профессором, организатором педиатрического института в Ленинграде. Кузен по материнской линии, Леон Эдмундович Мочан, двоюродный брат отца Ирины Викторовны, когда началась революция, эмигрировал во Францию. Там Леон Эдмундович Мочан в 50-е годы организовал институт математики под Парижем. Перед перестройкой Алеша побывал в этом институте по приглашению своего родственника.

По Ансельмовской линии там были пивовары, которые приехали из Германии в 1817 году. В Германии они были виноделами. Но случился неурожай, возможно, была холодная зима, и все виноградники вымерзли. Тогда они решили попытать счастья в России и приехали на Северный Кавказ, и опять занялись виноделием. Дело пошло. Следующее поколение Ансельмов безумно разбогатело. Они стали миллионерами. Скупали земли в Белоруссии и стали помещиками.

Дед Алеши был химиком-технологом на пивоваренном заводе в Одессе. Когда произошла революция, деда пригласили в Москву заниматься пивоварением. Он организовал пивоваренный завод, и Анастас Иванович Микоян наградил его, одним из первых, орденом Красного Знамени.

Когда началась Отечественная война 1941-го года, Алешину бабушку собирались из Москвы выселить в Казахстан. А деду сказали: "Вы можете остаться, мы вас знаем, вы - орденносец, вы организовали пивоваренный завод". Но дед поехал вместе со своей женой в Казахстан.

Бабушка умерла в Казахстане, а дед - в Елабуге, где он жил с Алешинными родителями. В Елабугу был эвакуирован университет. С немецкой фамилией Андрею Ивановичу, отцу Алеши, во время войны было очень сложно... Его спас Анатолий Петрович Александров, будущий президент Академии наук, он пригласил его приехать в Казань. Здесь в эвакуации находились сотрудники Ленинградского физико-технического института. Андрей Иванович Ансельм в Казани написал и защитил докторскую диссертацию и стал сотрудником Физтеха.

Кстати, у Алеши было любопытное сочетание: наполовину немец, наполовину еврей. Но он к этому относился так, что не чувствовал себя ни немцем, ни евреем. Он говорил: "Я - русский!" Действительно, он был русский по культуре. Он очень любил и знал русскую литературу. Он ценил в себе то, что хорошо вообще разбирается в литературе. Поэтому знание русской литературы и русской культуры сделали его настоящим русским человеком, больше, чем немцем или евреем. А скорее всего, он не чувствовал себя принадлежащим ни к какой национальности. Он много читал по-английски, знал английских авторов.

Так что мир, куда я попала, был очень интересным. Несмотря на то, что у каждого была своя индивидуальность, мы друг другу подходили. Вообще, когда он требовал что-то от меня, мне было приятно уступать ему. Я это делала безболезненно. Мне запомнилась на всю жизнь его фраза: "Я тебя никогда не оставлю". Все было хорошо. Если бы не эта болезнь... И он оставил меня, так получилось.

Алеша ужасно боялся провинциальности, замкнутости друг на друга. Он старался расширить границы. У него были большие связи с зарубежными учеными. Он, конечно, много сделал для расширения международных контактов Института ядерной физики в Гатчине.

У нас всегда было много друзей, много гостей со всего мира. Эти связи тянутся и сейчас. Скоро вернусь в Америку, там я должна встретиться с

Алешиными друзьями. Мне звонят друзья моего мужа из Англии. Наша дружба продолжается...

У нас есть друг - Ёж Александров, его так звали с детства - Ёжик. Сейчас это почтенный ученый, академик Евгений Борисович Александров. Мы смеялись, что они с Алешой начали дружить еще до собственного рождения! Их родители очень дружили, поэтому дружба двух мальчиков была предопределена. Спросите его, он вам расскажет много интересного об их совместном детстве.

С Евгением Борисовичем Александровым мы встретились в студии у Шадхана. Провели его в маленький кабинет Игоря, посадили в кресло и вместе с режиссером Татьяной Максименко стали перекрестно задавать Евгению Борисовичу вопросы.

- Наши семьи составляли один круг. Мой дядя, Анатолий Петрович Александров, был ближайшим другом Андрея Ивановича Ансельма. Их дружба началась еще до войны, а продолжилась в Казани, куда он помог перебраться Ансельму с семьей.

Алешка был старше меня на два года. В раннем детстве - это большая разница. Мне вспоминается такой эпизод. До-страивалось здание Физико-технического института в Ленинграде. Строительство началось еще до войны, а после войны продолжилось. На территории был огромный котлован с песком, в котором и происходили наши игры. Однажды туда завезли огромное количество силикатного белого кирпича, и в этом кирпиче старшие дети начали строить какие-то замки с высокими стенами. Конечно, они нас быстро обогнали в этом строительстве, но я снискал уважение у Алеши, потому что решил строить не только вверх, но и вниз. Я стал вгрызаться в кирпичи все глубже и глубже. Дорылся до самой земли, получился глубокий колодец. После этого моего "строительства" я среди детской компании вошел в число уважаемых.

Потом мы с ним встретились в Казани во время войны. Алешке было лет девять-десять, а мне, соответственно, семь лет.

Мальчик он был довольно хулиганистый. Мы с ним бегали наперегонки, он меня, конечно, во всем обгонял. Он тогда уже стал покуривать и, как все мальчишки военной поры, ругаться. Я ему выговаривал, что вот вернемся в Ленинград, милиционер тебя обязательно на улице заберет, потому что в Ленинграде ругаться нельзя!

Вообще-то Алешка для меня был неким образцом для подражания, предметом восхищения. Он был образован, его хорошо учили дома, он с малолетства знал английский язык, папа преподавал ему основы естествознания. Это была такая основательная европейская семья с очень внимательным отношением к детям. Наша семья была совершенно другой. Родителей не было постоянно дома, мы болтались на улице, занимались чем попало.

Для меня Алеша был образцом хорошо воспитанного джентльмена. Я подражал ему, я хотел быть таким же умным. Он прекрасно плавал брасом на большие расстояния. Я поставил своей целью научиться плавать не хуже Алеши и научился-таки.

Наша дружба прошла несколько стадий. Последний период нашей дружбы приходится, когда нам было уже за сорок лет. Когда мы с ним встретились после длительного перерыва, он мне понравился еще больше, чем раньше.

Мы с ним сделали несколько совместных публикаций. Мы даже писали вместе популярную статью в борьбе с лженаукой. Но он занимался, по отношению к моим интересам, очень заоблачными проблемами, а я в них просто плохо ориентировался. Я его приглашал в качестве лектора. Он читал публичные лекции у нас в институте. Он был совершенно непревзойденный лектор!

Еще он показал себя прекрасным популяризатором. Я имею в виду его замечательную статью о времени. Дело в том, что в стандартной теории относительности имеется много совершенно удивительного для обывательского уровня. Это он и хотел донести читателям: относительность времени, возможность ускорения и замедления и т. д.

Я вот еще о чем хотел бы сказать. Сейчас многие ударились в религию. Мы с ним обсуждали божественную проблему. Могу сказать с полной определенностью, он был неверующий в самом глубинном смысле этого слова. Он был физик. Мы с ним не нуждались ни в каких богостроительных построениях. Нам этого было не нужно. Мы считали, что это нам ничего не упростит. Только даст новый пласт сложности, в котором мы не нуждались в наших объяснениях. Мы с ним были безбожники!

Каждый физик в определенном смысле и философ. Каждый физик строит свою физическую философию, свою картину мира. Нам, людям, занимающимся точными науками, внешние навязанные философские концепции не нужны. Будущее - за точными науками. Точные науки лежат в основе знаний. Я признаю, что есть такая точка зрения, что следующий век будет веком биологии, но хочу сказать, что биология превращается в точную науку - квантовую химию. Квантовая химия наследственности - это та же физика, но только очень сложных процессов. А основа всего - точные знания. В этом смысле мы с Алешкой были всегда солидарны...

XI

Дмитрий Дьяконов прилетел в очередной раз домой, в Питер, из Копенгагена. Любимый ученик Алексея Андреевича Ансельма последние годы живет и работает в датской столице, но часто приезжает домой.

Он профессор в Скандинавском институте теоретической атомной физики "Нордита", который финансируют пять стран: Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция, одновременно являясь и заместителем директора Отделения теоретической физики Института ядерной физики в Гатчине.

Прежде чем Дмитрий Дьяконов даст нам интервью для будущего фильма и расскажет о первой встрече со своим Учителем Алексеем Андреевичем Ансельмом, сделаем некоторое отступление и расскажем об этом незаурядном человеке чуть-чуть подробнее.

Отец Дмитрия, профессор Игорь Михайлович Дьяконов, был знаменитым историком, филологом, востоковедом, автором десятков книг по истории и лингвистике, в том числе популярных "Истории Древнего Востока" и "Пути истории". Мать, Нина Яковлевна Дьяконова, тоже филолог, автор многих книг по английской литературе. Сыновья не пошли по стопам родителей. Митя и его старший брат Миша стали физиками. Да не просто физиками, а физиками-теоретиками, а это в научной среде - особая каста. Митино знакомство с миром физики началось в четырнадцать лет, а до этого сын филологов придумывал и паял радиосхемы.

Как-то Мите в руки попала книга Д. Данина "Неизбежность странного мира". Это книга об истории теоретической физики первой половины XX века и, в частности, о выдающемся датском физике Нильсе Боре. Книга произвела на мальчика столь сильное впечатление, что повлияла на выбор его профессии. Но на этом магические чары личности Нильса Бора не заканчиваются.

Прошли годы. Митя превратился в Дмитрия Игоревича, стал доктором физико-математических наук, ведущим научным сотрудником Петербургского института ядерной физики имени Б. П. Константинова.

Когда Дмитрию Дьяконову исполнилось сорок семь лет, он получает весьма лестное предложение занять место ученика Нильса Бора, лауреата Нобелевской премии Бена Моттельсона в Объединенном институте теоретической физики пяти североевропейских стран "Нордита" (NORDITA), в Копенгагене.

Этот институт возник на рубеже пятидесятых годов и сыграл, в частности, важную роль в налаживании контактов между учеными Запада и Востока, его первым директором был до самой кончины Нильс Бор. "Нордита" находится в тех же зданиях, где расположен знаменитый первый институт Н. Бора. Сотрудники двух институтов проводят общие семинары, конференции, работают в одних и тех же аудиториях, даже посещают одну столовую.

Институт Нильса Бора до сих пор хранит дух своего основателя, он сыграл выдающуюся роль в развитии физики двадцатого века. Вся она, можно сказать, вышла из стен этого института. Нильс Бор создал непревзойденную научную школу, с ним работали: Эрвин Шредингер,

Вернер Гейзенберг, Оге Бор. Наши физики, Георгий Гамов и Лев Ландау, некоторое время работали здесь тоже, кстати, они жили на стипендию, которую получали от Карлсбергской пивоваренной компании. Так что пиво в Дании играет важную роль - оно помогает фундаментальной науке.

Но и это еще не все. Тень Нильса Бора, словно тень отца Гамлета, следует за Дьяконовым.

"В Копенгагене со мной произошло некоторое чудо, от которого я еще полностью не оправился. Дело в том, что фирма "Карлсберг" предоставила моей семье свою знаменитую на всю Данию виллу, где в течение 30 лет жил Нильс Бор. Почему они оказали мне такую высокую честь, остается загадкой, но, тем не менее, это произошло".

(Из письма Д. И. Дьяконова)

Стоит немного рассказать и историю этой удивительной виллы. Дворец расположен почти в центре Копенгагена. Внутри - мрамор, древнегреческие и римские статуи, барельефы, зимний сад. Здание окружает

ботанический сад с великолепными уголками японской флоры. В подвалы виллы подведены трубы от пивоваренного завода с пятью сортами пива. Можно отведать любое.

Пивоваренная империя "Карлсберг" основана в девятнадцатом веке Якобсоном, который стал богатейшим человеком в Датском королевстве. Свое пиво Якобсон назвал в честь единственного сына, его звали Карл. Но случилось непредвиденное: он поссорился с сыном и лишил его наследства. Якобсон завещал всю свою процветающую пивную индустрию Датской академии наук. В завещании все было четко и строго прописано, что можно делать, а что нельзя. Великолепная вилла, которую Якобсон когда-то построил для себя, передавалась в пожизненное пользование последовательной череде выдающихся деятелей датской науки. Право выбора очередного обитателя этого "Дома почета" было предоставлено Датской академии наук. Более ста лет условия завещания строго соблюдаются.

Нильс Бор, величайший физик XX века, занял виллу после ученого-философа Харальда Хеффдинга, в прошлом своего университетского учителя. После кончины философа в 1932 году вилла стала обителью боровской семьи, и, к слову сказать, ему было в то время тоже сорок семь лет, как и Д. Дьяконову. По свидетельству коллег, поселившись на вилле, Нильс Бор испытал тоже ощущение чуда и счастья... Правда, с тех пор, как здесь жил Н. Бор, на вилле многое изменилось. Сейчас жилыми являются комнаты только второго этажа, а первый этаж занимает новый музей.

Хотите, верьте, хотите, нет, я побывала в том прекрасном саду, где стоит эта знаменитая вилла. А точнее, в здании большого старинного музея фирмы "Карлсберг". Произошло это еще в мои комсомольские годы в 1967 году, когда впервые в составе молодежной делегации мне

посчастливилось побывать в Дании. Советские активисты были приглашены на экскурсию в цеха пивоваренного завода, а потом на торжественный прием в музей. До сих пор помню удивившую меня тогда архитектуру строений на территории пивоварни. Коробка одного из зданий как бы покоится на спинах двух... слонов. В моей записной книжке до сих пор хранится засушенный ярко-красный лист граба, подобранный мной тогда, в сентябре, на дорожке в саду у виллы Карлсберг...

В 1997 году Датская академия наук впервые за столетие предоставила виллу иностранному ученому, русскому физика Дмитрию Игоревичу Дьяконову!

На сей раз Митя прилетел в Петербург, чтобы встретиться с коллегами и устроить большой семинар в своем институте, в Гатчине.

Общественный физический семинар в главном актовом зале Института ядерной физики был назначен на 27 июня 2003 года. Автор сенсационного научного сообщения Дмитрий Игоревич Дьяконов был явно

в приподнятом настроении.

И неудивительно, он докладывал о самых последних экспериментальных результатах, полученных японскими, российскими и американскими коллегами. История об обнаружении новых субатомных частиц, состоящих из пяти кварков, настолько примечательна, что заслуживает отдельного рассказа.

До сих пор было известно только об элементарных частицах, содержащих два или три кварка. Частиц с четырьмя, пятью или шестью - до сих пор экспериментально не удавалось обнаружить. Физики-теоретики

Д. И. Дьяконов, В. Ю. Петров и М. В. Поляков (вся группа из Гатчины) потратили несколько лет на создание теории, которая утверждала существование пятикварковых частиц. Но создать теорию - это полдела, главное - экспериментальное доказательство. Авторам теории было известно, что

на крупных ускорителях мира ранее проводились исследования по поиску новых частиц, но нигде они не были обнаружены. Однако авторы теории были настолько уверены в их существовании, что, встретившись на конференции в Австралии с коллегой, экспериментатором - японцем Такаши Накано, Дмитрий Дьяконов убедил его провести анализ экспериментальных данных, дабы проверить присутствие там следов пятикварковых субатомных частиц. Экспериментаторы последовали этому совету.

Тем временем российские ученые из московского Института теоретической и экспериментальной физики, прочитав теоретическую статью Дьяконова, Петрова и Полякова о пятикварковых частицах, достали с полок фото пленки многолетней давности, полученные на

уникальной физической установке - пузырьковой камере "ДИАНА", стряхнули с них пыль и стали просматривать десятки тысяч фотографий с треками частиц, где, по утверждению теоретиков, должна быть искомая частица. Ко всеобщему изумлению частица была обнаружена! Первыми о новом открытии сообщила японская группа на международной конференции, а через два месяца московские ученые обнародовали свои результаты на сессии Российской академии наук.

Сенсационные данные подтвердили и последующие эксперименты, проведенные на американском ускорителе частиц в Национальной лаборатории имени Томаса Джефферсона. Экспериментаторы, работающие в области физики элементарных частиц, начали настоящую гонку за экзотическими частицами. В настоящее время в мире работает уже пять групп, ожидается, что к ним присоединятся еще несколько. Каждая из групп

за последнее время наблюдала от 20 до 50 событий, подтверждающих, что обнаружены пятикварковые частицы. Эти результаты дали повод для широкой прессы в средствах массовой информации: Би-Би-Си, "Нэйчер", "Нью-Йорк Таймс", "Фигаро", "Ди Вельт", "Экономист", российская газета "Известия" - все в один голос сообщили о новом достижении ученых. Частицы, открытые на кончике пера, получали реальное подтверждение. Конечно, первые обнадеживающие результаты еще будут проверяться

и перепроверяться. Неожиданности всегда подстерегают исследователей на их тернистом пути. Но все же хочется надеяться на лучшее. Поживем - увидим...

- Свой рассказ я начну издали, - уточнил Д. Дьяконов. - Первый раз я встретил Алексея Андреевича Ансельма в Ленинградском физико-техническом институте. Тогда в теоретическом отделе существовала традиция, идущая от Льва Давидовича Ландау: чтобы попасть на дипломную работу в теоретический отдел, не говоря уже об аспирантуре, нужно было сдать теоретический минимум, который состоял из серии неформальных экзаменов. И вот, начиная с третьего курса университета, я решил, что буду сдавать эти экзамены.

Когда я пришел на свой первый экзамен, я увидел картину, которая меня не только потрясла, а определила всю мою жизнь. В Физтехе была крошечная комната, в которой стоял старый, продавленный диван, старожилы говорили, что всю мебель в институт в восемнадцатом году привезли из Зимнего, а диван этот был, якобы, из бани дворца. На нем уместился практически весь тогдашний отдел теоретической физики. (Принимали экзамен отцы-основатели: В. Н. Грибов, А. А. Ансельм, В. М. Шехтер, И. Т. Дятлов, Л. Н. Липатов...) Экзамен состоял в том, что задавали довольно трудную задачу. Не надо было отвечать на теоретические вопросы, а нужно было просто решить эту

задачу, и все. Я задачу решил. Затем я подробно рассказал собравшимся о решении задачки, пользуясь крошечной доской с негодным мелом. И что меня потрясло больше всего (заметьте, я был студентом третьего курса, мне было девятнадцать лет, а передо мной сидели ученые, которые делают крупные научные открытия два раза в месяц, а небольшие они делают каждый день), эти замечательные люди, доктора наук, собрались, чтобы слушать меня, какого-то ничтожного студента! Меня потрясли те заинтересованность и доброжелательность, с которыми они меня слушали и обсуждали со мной мою задачку, как будто это была научная работа. Но для этих людей все, что касалось физики и формул, было абсолютно серьезным... Этот экзамен стал поворотным в моей судьбе. Я сказал себе, что я хочу работать в кругу таких людей. Один из них был Алексей Андреевич Ансельм, я впервые здесь увидел его. Затем я продолжил сдавать серию экзаменов, и после очередного экзамена стало ясно, что меня возьмут в теоретдел на дипломную работу...

Однажды зимним вечером, вскоре после моего первого экзамена у теоретиков, я возвращался в электричке по Финляндской дороге в город. В Комарово вошла небольшая компания, которая расположилась рядом. Среди них я узнал человека, который недавно был среди тех, кто принимал у меня экзамен. Этим человеком как раз и был Алексей Андреевич Ансельм. Я с интересом наблюдал за вошедшей компанией. Там были две дамы - одна из них, по-видимому, была Мила, - для них нашлись места. Мужчина стоял в проходе, все оживленно разговаривали. При этом кто-то достает вязание, мужчина берет в руки спицы и начинает вязать стоя. Это само-собой любопытное зрелище в переполненной электричке, но я-то еще знал, что это не просто кто-то, а физик-теоретик, доктор наук. Вот этим он меня окончательно пленил. Когда у меня появилась возможность выбрать руководителя диплома, я выбрал Алексея Андреевича.

Он был замечательным Учителем во всех смыслах слова. Восхищала его удивительная доброжелательность и поражала одна потрясающая черта - он понимал, что другой не понимает. Он мгновенно реагировал на слушателя, он чувствовал конкретную ситуацию и объяснял сложности на конкретных примерах любому слушателю.

Мне очень нравится один анекдот про Нильса Бора. Его как-то спросили: "Что дополнительно к понятию "истина"?" Нильс Бор подумал и ответил: "Ясность". Среди преподавателей не часто встречаются люди, которые владеют этим дуализмом. Потому что, если ты хочешь что-то правильно и точно объяснить, чтобы это была истина, тогда теряется ясность. Если ты хочешь изложить очень ясно, то ты не можешь изложить всю истину. Это - дополнительные понятия. Алексей Андреевич очень хорошо чувствовал этот дуализм. Его объяснения не грешили против истины и в то же время были достаточно ясны.

Я перенял у Алексея Андреевича какие-то секреты его профессионального мастерства, определенные приемы работы. Знаете, как это бывает у краснодеревщиков, когда мастер передает своему молодому подмастерью только одному ему известные приемы. Но еще больше, чем эти приемы, я воспринял от него отношение к науке. Передать его в каком-то смысле труднее, чем передать секреты мастерства.

Когда я поступил в аспирантуру, он был моим руководителем. Часто наше общение было не совсем обычным: я приходил к нему с разными бредовыми идеями, а его роль состояла в том, что он очень серьезно и доброжелательно разбирал все мои идеи и предложения. Девяносто девять из ста он выкидывал на помойку, но кое-что оставалось. У нас было удивительное сотрудничество, и это несмотря на пятнадцать лет разницы в возрасте и разности положений.

Конечно, он был гораздо опытнее меня, знал и понимал несравненно больше, но он делал все, чтобы я этого не чувствовал. И он добивался этого: я чувствовал себя абсолютно свободно. Мы вместе работали над нашими идеями, и эта работа была нам в радость.

У теоретиков существует несколько тайных негласных классификаций, есть и такая. У нас говорят: одни люди - вычислители, другие люди - придумщики.

Алексей Андреевич был типичным придумщиком новых идей. Но это не значит, что он чурался черновой работы.

А черновая работа у нас - вычисления, когда сидишь, день за днем мараешь бумагу и пытаешься вывести какие-то интересные, но правильные формулы. Он тяжелых математических вычислений совершенно не боялся и делал эту работу блестяще! Я у него научился аккуратности в этой черновой работе.

Вообще-то идеи, конечно, вдохновляются Богом или чем-то и кем-то еще. Но если серьезно, то новые мысли приходят из повседневной работы. Ты пытаешься в чем-то разобраться, и, по мере того, как ты продвигаешься в этой работе, приходят новые идеи. Даже если ты человек, которого относят к разряду придумщиков, все равно твои новые идеи растут из ежедневного черного труда...

Алексей Андреевич придумал много интересных вещей. Мне трудно популярно изложить их, они касаются основ мироздания, самой фундаментальной физики.

Этот мир до конца не понят, хотя за последние пятьдесят лет произошел фантастический прогресс в понимании того, как устроен наш мир. Тем не менее далеко не все понятно. Это и есть задача фундаментальной теоретической физики - понять, как устроен этот мир, его основополагающие законы.

Окончательным судьей, понимаешь ты или нет, является эксперимент. На больших установках - ускорителях - физики-экспериментаторы

изучают, как же на самом деле устроена природа. Идеи и формулы теоретиков проверяются... Бывает, что, наоборот, экспериментаторы обнаруживают что-то, о чем ни один теоретик не догадывался. Тогда новое явление надо понять, осознать, описать, внести в реестр нашей культуры

и думать дальше - а что из этого следует?

Иногда идеи забегают вперед, их нельзя проверить по техническим причинам. Алексей Андреевич выдвинул довольно много идей, которые сию минуту не проверишь. Они будут проверяться через несколько лет, когда в Швейцарии, в Женеве вступит в строй новый ускоритель рекордной энергии; мы все ждем запуска этого суперколлайдера. Если хотя бы одна из еще не проверенных идей, высказанных Алексеем Андреевичем, окажется правильной, это будет выдающееся достижение. Потому что почти каждая из его идей - на уровне самых глубоких понятий о нашем мире. Но даже если ни одна из его идей последних лет не окажется правильной в буквальном смысле, заслуга его все равно велика.

Он разрабатывал математический аппарат, различные технические механизмы, которые могут пригодиться в других областях науки. Первокласные работы не пропадают, они используются наукой в том или ином месте.

Наука - это, в значительной степени, совокупность методов. Порой бывает, что более ценным является метод, нежели результат... Ученый, который придумал хороший метод, тем самым обессмертил себя. Метод используется другими и помогает исследователям приближаться к истине...

На моих глазах в Институте ядерной физики в Гатчине разворачивались события, когда к руководству должен был прийти такой человек, как Алексей Ансельм. И он стал генеральным директором в 1992 году, но его уход с этой должности в 1994 году был более значительным, чем приход.

Лично я не советовал ему становиться директором, потому что это большой груз. К тому же, это было сложнейшее время, когда в институте все рушилось. Однако объективно он сыграл, по-моему, весьма положительную роль.

Что касается ухода, то это было в его духе, в рамках его философии. Алексей Андреевич вообще считал, что человек старше 65 лет не имеет права быть начальником, никаким начальником, ни большим, ни малым. Возраст 65 лет он сам себе определил. У него перед глазами был пример его родителей. Они оба были заведующими лабораториями и оба добровольно сложили свои начальственные полномочия в возрасте 65 лет. Алексей Андреевич много раз подчеркивал, что собирается сделать то же самое. К сожалению, он не дожил до этого возраста...

Его уход с поста генерального директора Института ядерной физики в Гатчине, а потом и с должности директора Отделения теоретической физики был не спонтанным, а абсолютно логичным. К сожалению, он не дожил даже до назначенного самому себе возраста...

ХП

Актовый зал главного физического корпуса переполнен, он не смог вместить всех желающих. Сегодня большой ученый совет посвящен двадцатипятилетнему юбилею образования Петербургского института ядерной физики. Все ждут начала. Собрались гости с подарками и поздравитель-ными адресами.

К сцене с листком бумаги в руках выходит действующий директор института - Владимир Андреевич Назаренко, который, два года назад, принял руководство из рук А. Ансельма. В тишине четко, так что было слышно и в последнем ряду, зачитывается письмо - приветствие, которое пришло накануне из Бостона, от смертельно больного Алексея Андреевича Ансельма.

"Дорогие друзья!

Позвольте поздравить всех вас (нас!) с юбилеем. Вышло так, что сегодня я не могу быть с вами, и это очень огорчает меня. Остается - как у Булгакова: "Телом Индии, мысленно вами". Но, кроме шуток, мне действительно очень жаль, что в такой особый день меня нет в стенах института.

Юбилей - это повод оглянуться назад, подумать о настоящем и попытаться попророчествовать по поводу будущего. Все мы знаем, какое невероятно трудное время мы переживаем сейчас. И все-таки мне кажется, что мы можем гордиться состоянием, в котором находится институт.

И дело не в том, что мы попросту не развалились, что случилось с некоторыми, весьма известными в прошлом, научными учреждениями. И не в том, что у нас регулярнее, чем в других институтах, выплачивается зарплата и время от времени ремонтируются помещения, и даже не в том, что - хотя и медленно! - но строительство ПИКа как-то продвигается.

Мы можем гордиться тем, что в институте продолжается научная работа.

Будь то на площадке ПИЯФ или на установках других научных центров за пределами России, но работа не прекращается! Сегодня этим можно гордиться.

Далеко не каждый институт может - по совести! - заявить о себе то же самое.

Пусть меня обвинят в идеализме, но относительно благополучное состояние нашего института сегодня нельзя объяснить чисто материальными факторами.

В конце концов, материально нам живется не легче, чем всем другим. Я думаю, что главная причина того, что в институте успешно продолжается научная жизнь, - это

некоторый особый дух, которым наш институт отличается с момента его создания.

Главным смыслом нашего существования всегда была приоритетность фундаментальной науки над любыми другими видами деятельности в институте.

Создание приборной базы, строительство новых крупномасштабных установок, эти крайне важные задачи всегда были подчинены основной цели: получению новых фунда-ментальных физических результатов. Разработка техни-ческих приложений, любые прикладные работы рассмат-ривались как побочный продукт основной деятельности института - научных исследований в области фундаментальной физики.

С такой идеологией было непросто существовать в годы советской власти. Ведь главной задачей научного учреждения типа нашего института провозглашалась тогда польза для народного хозяйства, в первую очередь путем внедрения новых научных достижений в промышленность. Я думаю, что Олег Игоревич и Алексей Алексеевич, наши директора советского времени, могут порассказать об этом немало интересного.

Одно из важнейших последствий приоритетности научной работы над другими видами деятельности состоит в том, что статус любого сотрудника института определяется его научными результатами, а для молодого научного сотрудника - его научной потенцией. Мне кажется, это обстоятельство остается сегодня единственным стимулом для работы молодых людей в нашем институте.

Престижность, материальный фактор - увы! - остались в прошлом.

Приходится довольствоваться сознанием, что ты занимаешься самым важным делом на свете. Как долго можно просуществовать на чистом энтузиазме - это особый вопрос, к которому я еще вернусь.

Поскольку это письмо должно заменить мое выступление как одного из четырех директоров института, несколько слов о том периоде, когда мне довелось быть директором. Я стал директором в начале 1992-го года, в самом начале гайдаровских реформ. Можно было бы вспомнить, какое сложное время это было, но, говоря откровенно, я не думаю, что сейчас время более легкое. И все же - это было самое начало реформ. Как тут не вспомнить китайское пожелание врагу: "Желаю тебе жить в эпоху перемен".

Не буду по случаю юбилея говорить о том, что не получилось или получилось не так, как хотелось. Позволю себе вспомнить, что получилось: сюда я отношу в первую очередь то, что в институте удалось сохранить хорошие, деловые отношения между отдельными его частями. Это было не совсем тривиально, поскольку одновременно с моим назначением директором была произведена полная реорганизация института - он стал федерацией четырех независимых

в научном плане и почти независимых административно, Отделений, каждое из которых является, по сути дела, институтом.

В заключение несколько слов о наших перспективах. Мне кажется, что, несмотря на все наши бодрые слова, сказанные выше, мы находимся на грани почти что катастрофы. Институт, разумеется, не может жить нормально без притока талантливых молодых людей. Опыт показывает, что

у некоторых из них потребность заниматься наукой имеет прямо-таки физиологический, чтобы не сказать патологический, характер. И, если судить по Отделению теоретической физики, до какого-то момента уменьшение материального вознаграждения за эти занятия почти не влияет на приход новых людей в физику. Однако ниже некоторого уровня происходит фазовый переход, и талантливые молодые люди вообще перестают заниматься наукой. По-моему, сейчас мы как раз находимся вблизи точки фазового перехода. Недавно я случайно узнал, что зарплата дворничихи, подметающей нашу лестницу, заметно выше зарплаты ведущего научного сотрудника, доктора наук. Если это продолжится еще год-два, то никаких круглых дат в дальнейшем существовании нашего института праздновать не придется.

Будем, однако, надеяться, что этого не случится. Тогда следующий юбилей - пятидесятилетие - ровно через двадцать пять лет. Боюсь, я снова не смогу присутствовать на юбилейном торжестве, и снова по уважительной причине.

Поэтому заранее поздравляю всех участников будущего юбилея и, еще раз, всех, кто отмечает сегодня двадцати-пятiletие нашего института".

Владимир Андреевич - он и сейчас директор Института ядерной физики - отложил в сторону листки прощального письма Ансельма и стал вспоминать события последних лет:

- Да, это письмо стало, по сути, официальным прощанием Алексея с коллегами. Я помню, как мы его уговаривали стать директором. У нас тогда была безвыходная ситуация. Это был 1992 год, когда у нашего директора, Алексея Алексеевича Воробьева, кончался срок полномочий, на который он был избран. Он решил не переизбираться на новый срок и уйти с должности директора института.

Многие ведущие научные сотрудники нашего института горячо обсуждали сложившуюся ситуацию. Все понимали, что, в связи с тем, что шел финансовый обвал, бюджет института сократился в двадцать раз (это было начало экономического кризиса), институт ожидали не лучшие времена.

Нам нужен был лидер, который имел бы широкие связи и в России, и за рубежом, был бы признанным авторитетным человеком в научной среде.

Алексей Ансельм, без сомнений, был таким человеком. Кроме того, его личные качества очень соответствовали этим требованиям: абсолютная честность, безусловное обаяние, интеллигентность, организаторские способности, опыт руководства теоретическим отделом около пятнадцати лет и его профессиональный уровень. Он был физиком-теоретиком высочайшего уровня - все это позволяло надеяться, что именно он - тот лидер, который должен прийти в нужное место и в нужное время.

Мне было поручено предложить ему стать директором. Как сейчас вижу его бурную реакцию. Когда он услышал, что ему предлагается стать директором, он минут пятнадцать бегал по кабинету, взмахивал руками и хохотал... "Я - директор! - говорил он. - Да я же не знаю, что это такое! Да я не умею, да нет, конечно!" Наблюдать эту реакцию было весело.

Потом я ему говорю: "Ты подумай пару недель. Ну, ты пойми, у нас сейчас нет другого выхода. Все-таки это наш институт, и мы его должны сохранить. А это во многом зависит от того, кто станет во главе. Подумай".

Через две недели он пришел и сказал: "Если вы говорите, что нет другого варианта, давайте попробуем". Он понимал, что многим жертвует, но, тем не менее, он на это согласился. Кстати, его практически единогласно тайным голосованием избрали на эту должность шестьсот научных сотрудников нашего института. Но через два года он ушел, потому что его профессиональная тяга к теоретической физике была сильнее.

Директору в те годы, да, честно говоря, и сейчас, надо было заниматься хождением по кабинетам начальников с протянутой рукой и просить всех, у кого есть деньги. Необходимо было добывать их любой ценой для сохранения института.

У Алексея было уйма приглашений из-за рубежа: то прочитать лекцию, то сделать совместную работу. Он как-то пришел ко мне и сказал: "Посмотри, вот одиннадцать приглашений!" Он понимал, что профессию ученого и работу директора совмещать трудно.

Главное, что ему удалось сделать за это время, - это стабилизировать моральную атмосферу в институте, когда коллектив понял, что мы должны все вместе выбираться из этой ямы, ему удалось также создать атмосферу сотрудничества, доброго отношения между лидерами разных подразделений нашего института.

Он был талантливый человек, а если человек талантлив, то его талант проявляется во всем.

Тридцать вторая Зимняя школа физиков проходила в Репино, в конце февраля 1998 года. Я вспоминаю последний приезд сюда Алексея Андреевича из США, в августе того же года он скончался...

Эта Школа собрала особенно много физиков-теоретиков из-за рубежа. Приехали коллеги из Принстона, Парижа, Милана, Софии и Нью-Йорка. Научная сессия теоретиков была посвящена памяти Владимира Наумовича Грибова, бывшего руководителя теоретического отдела Петербургского института ядерной физики, выдающегося физика-теоретика, друга, учителя и соавтора А. Ансельма. Всего год, как его не стало. Он скончался в Будапеште, не успев, совсем немного, завершить свой главный научный труд. После его смерти ученики и вдова, Юлия Нири, соберут воедино его работы под одной обложкой. Их стараниями будет подготовлена книга трудов, в которой представлено почти все, что вышло из-под пера этого крупнейшего ученого.

Уютный музыкальный салон Дома кинематографистов в Репино был полон. Здесь уже несколько лет подряд в конце зимы собираются на свои семинары физики. Повсюду знакомые лица. Обстановка, можно сказать, домашняя. Распорядок сохраняется почти неизменным больше тридцати лет: лекции утром и во второй половине дня, после обеда - лыжи, если есть снег, вечером - культурная программа, а ночью, для самых стойких, физики-теоретики устраивают тематические семинары. Боже мой, сколько здесь исписано формул на черной доске, выкурено сигарет, выпито кофе, и не только! Сколько здесь родилось новых идей и разрушилось старых, как казалось, основательных и верных теорий! Лектору, стоящему у доски, не помогут ни авторитет, ни научные регалии. Здесь - все равны.

Для непосвященных стоит заметить, что теоретическая и экспериментальная физика сейчас настолько сильно отличаются, что соединить их в одном лице практически невозможно. На это обращал внимание еще Л. Д. Ландау. Он выделял только Энрико Ферми. "Единственное исключение за последние десятилетия представлял Ферми, но, учитывая его гениальность, это исключение только подтверждает правило. Занимаясь раз-ными сторонами физики, теоретики и экспериментаторы дополняют друг друга и взаимно связаны, но одни из них не руководят другими".

На этот раз всех физиков объединила личность непревзойденного научного авторитета Владимира Грибова, Бэ-Аша, как его называли коллеги. Именно в Зимней школе у меня впервые зародилась идея снять свой первый телевизионный фильм о физике. О Владимире Грибове. (Фильм об Алексее Ансельме стал вторым, сейчас готов уже новый фильм о научной династии Лобашевых: патриархе семьи, генетике, профессоре Петербургского университета М. Е. Лобашеве, физике-экспериментаторе, ака-демике В. М. Лобашеве и молодом биологе и тоже генетике, кандидате биологических наук А. В. Лобашеве, он - третье поколение

научной
династии.)

Поскольку в Репино, т. е. в одном месте и в одно и то же время, собралось так много именитых участников, захотелось оставить для истории образы и мысли этих людей. Тем более что повод был двойной. Второй причиной было то, что незадолго до этого, так получилось, я взяла последнее телевизионное интервью у самого Владимира Наумовича Грибова.

Он приехал в 1996 году на 25-летие Института ядерной физики из Будапешта. Очень подвижный, остроумный в разговоре и простой в общении, он говорил со мной у крыльца здания главного физического корпуса института про... науку.

Был чудесный осенний день бабьего лета. Кораллового цвета плоды на кустах барбариса создавали живописный фон, на котором проходило действие нашей беседы. Владимир Наумович образно сравнивал теоретическую физику с написанием литературного сценария, но с той лишь разницей, что этот сценарий... проверяемый. Он проверяется и перепроверяется десятками ученых. Кто может подсчитать, сколько красивейших теорий разбилось "о лодку быта" мастерски поставленного физического эксперимента! Могла ли я подумать, что эта наша встреча окажется последней?

Теперь здесь, в Репино, мне хотелось продолжить разговор на тему, заданную тогда, в сентябре, Владимиром Наумовичем Грибовым с некоторыми гостями Зимней школы.

Алексей Андреевич Ансельм открыл памятную сессию. Последние годы он являлся научным руководителем Зимних школ физиков.

Добрые, искренние и такие значимые для него самого слова, сказанные о В. Н. Грибове и обращенные к коллегам, стали, по-моему, словом прощания самого Алексея Андреевича. Уже совершенно больной, облысевший после химиотерапии, Ансельм в своем слове о Грибове говорил

о преемственности в науке. Он говорил, по сути, о будущем, которое ему не суждено было встретить...

Нам удалось запечатлеть на пленку его разговор, его мысли, его облик. Потом мы использовали эти кадры в фильме о нем самом.

Не перестаю удивляться человеческой мудрости! Помните, как говорят в народе: "Хочешь проверить человека - дай ему испытание властью и деньгами". Алексей Андреевич с честью прошел испытание властью - она не испортила его. Прошел он испытание и деньгами. Да как прошел! Об этом, возможно, не было широко известно, но кое-кто знал, как Ансельм в труднейшие для института времена, чтобы как-то поддержать бедствующих ученых (оклад докторов наук в то время не доходил до оклада уборщицы в банке), на себе через границу перевозил пачки денег, безвозмездно пожертвованные нашим ученым иностранными научными

фон-дами. Потом он раздавал их, помогая товарищам в трудную минуту жизни.

А трудные времена у людей всегда бывают... Были они и у ныне известного физика-теоретика Николая Николаевича Николаева. С 1993 года он теперь постоянно живет и работает в Германии. Мы встретились с ним здесь, в Зимней школе, после очередного теоретического семинара.

Его рассказ, безусловно, дополнил образ Ансельма, внес какую-то новую черточку в почти законченный портрет. Привожу воспоминания Николая Николаевича практически дословно.

- По сравнению с учениками, сотрудниками и петербургскими друзьями Алеши, я - удаленный наблюдатель. И только потому, что в опыте моего общения с Алешей и Милой Ансельмами есть по-своему уникальные штрихи и его имя в нашей семье святое, я решаюсь рассказать об одном из них.

Весна 1972 года. Мы с женой - аспиранты второго года в Институте теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ), в Москве. Нашим близнецам по три года. Снимаем квартиру в Москве. Мой научный руководитель, Лев Борисович Окунь, ныне академик, устроил мне полставки в ИТЭФ и реферирование в ВИНТИ, но денег катастрофически не хватает. Родители нам помогать не в состоянии, и долги растут. Часть долгов надо именно сейчас вернуть, хуже того, хозяева квартиры возвращаются в Москву с Севера, надо переезжать на новую квартиру и заплатить вперед за год. Кредиторы в Москве исчерпаны. Что делать?

В то время в Ленинградском институте ядерной физики (ЛИЯФ) я не был ни разу, но Алексей Андреевич Ансельм у нас в ИТЭФ бывал с докладами на семинарах несколько раз в год, в общей толпе слушателей мог меня и видеть. Может, мы даже и несколькими фразами обменялись, может, я даже рискнул задать великому ученому пару вопросов. Не более того, но было в Алексее Андреевиче что-то такое, что позволило мне броситься именно к нему с мольбой: "Выручите!"

И я не ошибся! А нужно мне было для спасения ни много ни мало 2,5 тысячи рублей (для справки, по тому времени это была почти двухгодичная зарплата младшего научного сотрудника или же половина стоимости трехкомнатной кооперативной квартиры), притом с совершенно сомнительными шансами этот долг в разумное время вернуть.

Алеша выслушал по телефону мои сбивчивые пояснения - я был для него полужнакомым аспирантом второго года в Москве, с неясными перспективами на будущее, пусть даже близкого друга Л. Б. Окуня, - и сказал просто: "Сам я столько дать не могу, но перезвони через часок". И через час: "Приезжай послезавтра". И продиктовал адрес, где они в то время жили, на Маяковской, и приказал с

поезда идти к ним завтракать (что я делал впоследствии каждый свой приезд в Ленинград). Так я познакомился с Милой и с Алешей, так попал в первый раз в ЛИЯФ. Получил я свой кредит со словами: "Если сможешь, то вернешь".

Смог вернуть только через шесть лет, в 1978 году. Алеша отказался говорить, у кого он собрал эту сумму - если кто из читателей узнает себя, низкий мой ему поклон.

Последние десять лет я работаю в Германии, наша с Алешей последняя встреча была именно в Юлихе, куда он приезжал в качестве директора своего института.

В Германии сейчас в большой моде своего рода тимуровское движение - общества взаимопомощи, но с немецким учетом оказанных услуг, измеряемых в "талантах", большие общества для этого держат счетоводов на зарплате. Мои рассказы об Алеше у зарубежных коллег понимания не вызвали - даже для близкого друга никто из немцев не стал бы рисковать и парой месячных окладов.

Еще один крестник Ансельма - Юрий Докшицер. Он теперь редкий гость и в институте, и в России. Юрий, как многие российские талантливые ученые, сейчас постоянно живет и работает за границей, в Париже, поэтому его появление в Зимней школе не осталось незамеченным. Мы договорились с ним о встрече и о том, что он поделится своими воспоминаниями об Алексее Андреевиче.

- Я часто вспоминаю Алексея Андреевича. Для меня он был, что называется, крестным отцом. За глаза мы, его ученики, называли Алешей. Я последнее время взял и перешел с ним на "вы". Да, он был моим крестным отцом... Без него бы не видать мне нашего института как своих ушей.

Когда я поступил в аспирантуру, мне руководителем назначили Владимира Наумовича Грибова. Он был учитель великий, но суровый. В результате в течение первых двух лет я так и не определился, чем же я хочу заниматься. Все никак не мог себя найти.

Но вот моя аспирантура подходит к концу. Я понимал, что меня скоро вышибут из аспирантуры. И тут мне, в качестве спасательного круга, предложили в руководители Алексея Андреевича, который, как мне говорили, быстренько придумает задачку, которой надо заняться. Ему пришла мысль, что я должен повторить некоторые вычисления (теперь это называется теорией сильных взаимодействий), которые наши корифеи, Владимир Наумович Грибов и Лев Николаевич Липатов, сделали несколько лет назад, но теперь сделать это в более простой и понятной форме. Алексей Андреевич спросил у Грибова: "Можно ли такую задачу дать аспиранту?" Грибов ответил: "Нет, это невозможно!" Он спросил Липатова. Лев Николаевич ответил: "Там нечего делать!" Тогда Алексей Андреевич понял, что это именно то, что надо для диссертации.

Я стал работать над этой темой, и мы начали часто общаться. Я познакомился с его семьей, я помню его родителей, которые представляли ярчайший образец настоящей интеллигентности, все это оставило глубокий след на всю мою жизнь.

Меня ранили всякие истории, связанные с моей "неправильной" национальностью, Алексей Андреевич всегда приходил на помощь в самых трудных ситуациях.

Надо сказать, что наши научные интересы очень быстро разошлись. Направление, которым я начал заниматься, у меня как-то хорошо пошло, и я остался сам по себе.

Наша последняя встреча на этой Зимней школе запомнится как поразительный пример жизнелюбия и жизнестойкости. Зная ситуацию со своим здоровьем, он, тем не менее, был полон оптимизма.

Незадолго до этого мы с ним поговорили приватно.

Он, хохоча, рассказывал мне об Америке, говорил, что это смешная страна, рассказывал забавные истории. Потом спохватывался и говорил: "Что это я такое говорю? Нехорошо, неприлично. Они на меня столько потратились!" Потом стал говорить о личной проблеме: "В России есть одно лекарство, которое может человека в течение двух лет поддержать в приличном состоянии. В Америке есть два лекарства. Вот пошел четвертый год, как я держусь. Может быть, придумают третье?" Похоже, не успел...

Он прекрасно понимал свое положение, но, тем не менее, искрился юмором, счастьем, смеялся над своим внешним видом. У него была особая жизненная школа. Да, преподавал он нам урок напоследок!

Школа физиков в Репино закончилась в последний день февраля. Все разъезжались. Ближайший четверг после Школы - это присутственный день для теоретиков. Ансельм приехал в институт в Гатчину. Поднялся на второй этаж, не спеша прошелся по длинному коридору теоротдела, заглянул в кабинеты коллег и с каждым попрощался лично. Потом в большой семинарской аудитории все вместе пили крепкий черный чай и вели непринужденные разговоры. Около пяти вечера он ушел. Навсегда...

XIV

Ему оставалось жить полгода. В эти самые тяжелые месяцы жизни в Америке Алексей Андреевич почти до последнего своего часа общался со своим последним и любимым учеником - Андреем Иогансенем. Они делали совместную работу.

Андрей до сих пор живет в Нью-Йорке, а Алексей Андреевич жил в Бостоне, поэтому каждый вечер они подолгу переговаривались по телефону, обсуждая, кто что сделал за день. Их последний разговор состоялся всего за пару дней до кончины Ансельма.

Мы встретились с Андреем Иогансенем на Бродвее, сели в машину и поехали беседовать в студию на Манхеттен. Андрей любил своего Учителя. В его личной и научной судьбе Алексей Андреевич так много значил, что свой рассказ он повел издалека, не опуская даже мелкие подробности, которые, судя по всему, ему были очень важны:

- Я был, наверное, последним учеником Алексея Андреевича, и история, как я стал его учеником, довольно своеобразная и ярко характеризует его личность.

Это было в конце семидесятых годов. Я был студентом матмеха, но хотел заниматься теоретической физикой. Это был трудный момент в моей жизни, потому что я потратил много энергии и сил, чтобы перевестись на физфак...

И все же я окончил матмех, но попал в ученики к Алексею Андреевичу, в аспирантуру. Я сдал теорминимум и ждал, когда же произойдет знаменательный поворот в моей судьбе, когда я стану сотрудником Петербургского института ядерной физики. Алексей Андреевич помог мне получить шанс стать аспирантом. Этот шанс я благополучно упустил, завалив экзамен по истории КПСС.

Через несколько месяцев, в это время было лето 1981 года, мы уже с Алексеем Андреевичем регулярно встречались и делали науку вместе. Как-то я приезжаю к нему домой, а он говорит: "Я тебя поздравляю!" Самое интересное то, что за несколько дней до этого я женился. Я отвечаю: "Спасибо!"

Алексей Андреевич был очень удивлен, что я говорю спасибо, хотя не знаю ситуации. Оказалось, что примерно в это же время, когда я женился, Алексею Андреевичу удалось для меня добыть место в теоротделе института. Со стороны Учителя это потребовало немалых усилий. Он мне потом рассказывал, как клялся начальству, что я не еврей. Действительно, я не еврей. У меня датская фамилия...

В то время это было непросто, а он вступился за меня и повлиял на ситуацию таким образом, что меня взяли. По его мнению, свой экзамен в аспирантуру я провалил по той же причине, но там некому было вступить. Преподаватель-историк считал, что я еврей и что с такой нехорошей фамилией человек не должен идти в науку.

Нам легко работалось вместе, и нам было приятно встречаться вне работы. Мне было комфортно с ним. Как настоящий интеллигент, он говорил с другим человеком на его языке, и тот не чувствовал разницы. Так было и со мной.

Алексей Андреевич был потомственный ученый, а мои папа и мама были инженерами. Он вводил меня в мир науки, который отличался от всего, что происходило вокруг. Он широко смотрел на мир, этому учил и меня. Он умел прощать мне какие-то глупости, он понимающе относился

к людям
и лично ко мне.

Только сейчас я с гораздо большей ясностью понимаю, что значило для меня добытое им место физика-теоретика и какую роль это обстоятельство сыграло в моей жизни. Я восхищался его мужеством. Я видел его за несколько недель до того, как ему стало совсем плохо. Мы встречались вместе, по-моему, даже выпивали. Он потрясающе держался.

Могу сказать про себя, в какой-то момент жизни проигрываешь разные сценарии: мог бы я себя вести так, как вел себя Алексей Андреевич? Не знаю, не уверен.

Он, конечно, жил, осознавая, что ему отпущено очень мало времени, а он вел себя как ни в чем не бывало, как нормальный человек. Это потрясало. Он занимался наукой, он писал статьи. Мы с ним беседовали, спорили и ругались на равных, как это принято у физиков-теоретиков.

Учитель написал совершенно замечательную популярную статью о теории относительности. Это была не только популярная статья, а это была попытка удара по мракобесию в нестабильном обществе, в нашей стране.

Мой сын, которому было тогда шестнадцать лет, прочитал ее и с удовольствием спорил с ним, а Алексей Андреевич задавал вопросы.

По прошествии времени невольно оцениваешь - какое место заняли те, кто ушел от нас... Но по каким критериям мерить? Есть люди, которые сделали одну-две работы и которые перевернули основополагающие представления в физике. Другие написали очень много работ. Алексей Андреевич написал много работ, и многие были выдающимися. Скажем, есть гении - Ньютон, Эйнштейн. Алексей Андреевич не был Эйнштейном, что тут подделаешь. Но главное в деятельности Учителя не то, насколько выдающиеся его работы, а то, какое влияние он оказывал на физику. Он был активен. Он участвовал в процессе развития физики, понимания того, как устроена природа.

Во времена, когда творил Алексей Андреевич, возможность сделать великие открытия сильно уменьшилась. Быть может, было важнее формировать движение физики в правильном направлении, осознавая, чего же мы хотим.

Для меня Алексей Андреевич - мой Учитель, который научил меня жить...

Теперь Андрей Иогансен, так же, как и Александр Мигдал, работает в центре Бродвея, в солидной фирме. На какое-то время, а может быть и навсегда, оставлена физика. Теория струн, которой он занимался последнее время в американском университете, семье достаточного дохода не давала. А у Андрея уже подросли дети, их необходимо учить, так что вполне достаточно убедительных аргументов для перемены образа жизни. И все

же эта перемена далась ему не легко, слишком многим пришлось пожертвовать...

Вот, пожалуй, и все, что мне хотелось рассказать об Алексее Андреевиче Ансельме. Что осталось после него, и кто остался?

Не покинул, не ушел Алексей Андреевич от своей верной Милы. Словно продолжая когда-то начатый с мужем разговор об искусстве и литературе, ведет она с ним диалог в пьесах, изданных уже после его кончины. Книга Людмилы Николаевны появилась совсем недавно. В трех ее сценических версиях - судьбы известных исторических персонажей, но как они похожи на их собственные жизни! Ничего не бывает случайного на земле...

Остался еще маленький внук Алешенька, который родился через полтора года после смерти своего знаменитого деда.

Дочери Алексея Андреевича и Людмилы Николаевны, Ирине, и ее супругу судьба послала сыночка. Она отважилась родить его в сорок лет. Это великое чудо появилось на свет как раз накануне моего прилета в Бостон. Все семейство переживало в те дни состояние совершеннейшего счастья. Старшая дочь Иры, Аня, с восхищением и любопытством разглядывала своего маленького братца.

Ничего не бывает случайного на земле. Как распорядится судьба? Может быть, другой Алексей, Алешенька, внучок, продолжит то, что не успел его дед. Кто знает, возможно, дух Алексея Андреевича и здесь спустился на землю, и с его благословения появился новый человек...

Говорю себе: "Оглянись назад, вспомни былое, вдохни полной грудью воздух перемен и подумай о будущем. Кому же из тех, кто встретился на твоём пути, суждено увидеть "небо в алмазах"?" Угадаю ли я ответ?

Неисповедимы пути-дороги наших ученых. Разбросала их новая российская жизнь по разным городам, странам и континентам. Кто-то из них, как, например, Алексей Ансельм и его друг и учитель Владимир Грибов, обрели в чужой земле вечный покой.

Соберутся ли коллеги когда-нибудь все вместе в знаменитом теор-отделе своего института под Гатчиной? Что скажут друг другу? Наверняка, у каждого будет своя история. Верится, что общей останется у них одна любовь - любовь к физике.

Сочи, сентябрь 2002 - Гатчина, декабрь 2003

Автор выражает особую благодарность дирекции ПИЯФ РАН в лице директора В. А. Назаренко за предоставленную возможность публикации книги и коллегам Я. Азимову, В. Анисовичу, Л. Дахно, А. Егорову,

Т. Максименко, И. Митропольскому, А. Прокофьеву, Г. Солякину - за оказанное внимание к данной работе и весьма полезные советы.

Литература

- [1] *Ансельм А.* Что такое время? // Звезда. 1998. N 9. С. 173-198.
- [2] *Ансельм А.* Теоретическая физика XX века - новая философия природы // Звезда. 2000. N 1. С. 154-213.
- [3] *Данин Д.* XX век в лицах // Известия. 1998. 22 янв.
- [4] *Дьяконов Д. И.* Памяти Алексея Андреевича Ансельма // Материалы XXXIII Зимней школы ПИЯФ РАН. С-Пб., 1999.
- [5] *Толстая Н., Толстая Т.* Двое. М.: Подкова, 2001.
- [6] *Ливанова А.* Ландау. М.: Знание, 1983.
- [7] *Толстая Т.* День: личное. М.: Подкова, 2001.

Людмила Анисимовна Колесникова

Штрихи к портрету теоретика

Литературный редактор: *Е. Ю. Оробец*

Компьютерная верстка: *Е. В. Веселовская*

Отпечатано в типографии ПИЯФ РАН
188300, Гатчина Ленинградской обл., Орлова роща
Зак. 201, тир. 100, уч.-изд. л. 5; 28.05.2004 г.